

СМЕНА №9

ОРГАН ЦК И МК ВЛКСМ
ИЗ-ВО ЦК ВКП(б) "ПРАВДА"

сентябрь

1954

Плодоносная осень...

*Виноградник им. К. Либкнехта
Ижевский район*

Фото-этюда И. ШАГИНА.

ИСКУССТВО СОВЕТСКОГО УЗБЕКИСТАНА

Приходилось ли вам видеть картину В. Верещагина «Гордость», находящуюся в Государственной картинной галерее в Москве? Вот что изображено на этой картине Верещагина, яркий представитель своего класса, неслучайно ставший по пути войны, буржуазных «побором мира» и в то же время сторонник колониалистских, империалистических устремлений России (буржуазия на Востоке), площади Регистан, в Самарканде, торжествуют узбек-победители. Только что, после отчаянных боев, они выгнали из своей столицы русские войска, захватили ее город. Тогда народ, увесивши в круг на земле, слушает мулу, проповедующего кровавую месть врагам. На высоких скалах воткнуты голые русские. А над всей этой сценой на площади сияет своим величием яркое и ornamentиче мечеть, одно из замечательнейших зданий древней персидско-арабской архитектуры.

Но вот и другая картина, помеченная 1934 г.

Та же площадь Регистан в Самарканде. Все так же сияет это замечательное здание в явственной некоей истории Узбекистана. Но сцена на площади уже не та. Жители Самарканда празднуют день 8 марта, день раскрепощения женщин. В радостном аляском потоке все площади как бы искривлялись. Среди моря знамен, плакатов простерты яркие краски национальных костюмов. Вот в авангарде демонстрации идут комсомолки. Их радость, сдержанное улыбки, задорные лица дополняют смехом и радостью этот праздник освобожденного Востока.

Между картиной Верещагина, написанной в 1872 г., и большим полотном Бенькова 1934 г. исторический промежуток равен всего только 62 годам.

Много пришлось пережить за эти годы массам, несаящим эту феодальную колонию царской России. Стыбрав влозду новую жизнь в этот край, свободу, радость, пробудившую творчество масс. Из феодальной колонии Узбекистан преобразился в социалистическую братскую республику Союза, из культурно-отсталой страны — в центр цветущей национальной культуры. К будущей истории искусства Узбекистана эти две картины: Верещагина и Бенькова — могут служить замечательным образным прологом. — Вот как изображали художники эпохи империализма этот край, насыщая свои произведения ненавистью к национальным меньшинствам, — было бы подлинно по первой картине, «Искусство цветущего социалистического Узбекистана» — подлинно по второй.

Молодое искусство советского Узбекистана уже насчитывает около 70 профессиональных художников и многочисленную группу художе-

ственной молодежи—рабочие и колхозники. Особенно развиты поэзия, живопись, живописное творчество, затем плакат, книжная графика и в меньшей степени скульптура. Достаточно просмотреть произведения современных мастеров Узбекистана, чтобы убедиться в их значительности. Многие наши мастера скажутся тем, что их живописное мастерство насыщено колоритом, цветом, их картины сияют яркой красочностью. Назовем Петрова-Волкина, П. Кузнецова.

Но сравните их колорит, достаточно европеизированный, хотя бы с теми

плотами, которые созданы за последние год—два молодыми узбекскими художником Уралом Таксбаевым. Его краски поражают своим изумительным сочетанием, силой цветового напряжения. Характерно, что этот молодой художник (27-ми лет) почти безвыездно живет в Узбекистане, и, несомненно, его творчество не свободное от всяких влияний, за исключением народного творчества. Творчество Таксбаева — значительное явление в искусстве СССР. Темы для своих «красочных поэм» он черпает в тугде жизни родного Узбе-

кистана. Это: «Освобождение женщины», «Завтра баскет», «В родной ауре», «Кавказ», «Кочевье».

Достоиную славу Таксбаева, замечательного живописца, разделяет и Караим, молодой художник, сын колхозладельца. Его картина «Обучаю хлопка» и «Дорога в школу» — яркие красочные сценки, привлекающие зрителя своей насыщенностью цветом, где картина как будто сияет и кипит. Точно выписанный рисунок полагает большее мастерство Караима и в этой области.

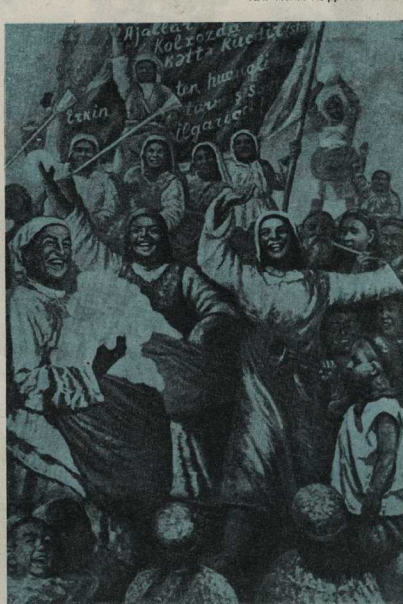
Интересны работы и Уста-Мурина из Ташкента. Его начало своего творческого пути мастер, находясь всецело под влиянием древних персидских миниатур, создает такое истинно стильное произведение, как «Дружба и любовь», но затем переходит к красочности и реализму, воспринятым им в русской реалистической живописи. Таковы его «Калашник-комсомолец» и «Белое золото».

Несколько бледен колорит, но силен рисунок в картине Авакумова «Сбор хлопков». Влияние миниатур и фреск древнего Востока явно ощущается в картине Садыко «Свадьба».

Вместе с национальными художниками работают здесь мастера и националом, но настолько слившиеся с культурой Узбекистана, что уже отделяет от художников-националов разве только некоторой наивности мастерства и, может быть, самее их языка. Здесь в первую очередь необходимо отметить М. Кураман, прошедшего определенный путь от левых течений к реалистическому, что уже выявлено в его первой живописной «УдARNЯ женская бригада». С особой силой и темпераментом Кураман показывает, как комсомольская молодежь стоит во главе обновляющегося Узбекистана, как застраиваемое ударничество на социалистических полях Узбекистана. Таких же является и А. Волков, в своих красочных картинах доводящий социалистическую реконструкцию Узбекистана, быт и труд нового социалистического человека, строящего новую жизнь в стране («Штурм бездорожья», «Красноярские на Чаркестресе», «Девушка с хлопком»). Проникновение новых западных влияний в живопись в восточное искусство также в произведениях Бенькова. Представителем «монументальной школы», но уже академичной, где каждая деталь в картине тщательно, с фотографической точностью, выписана, является Щеголов и его картина «Обработка жерновов».

Искусство Узбекистана еще молодо, но в изобразительном творчестве мы встречаем ряд таких мастеров, которые, несомненно, уже занимают видное место в искусстве СССР. То, что сейчас мы видим в искусстве Узбекистана, это только фундамент, но достаточно крепкий, на котором возводятся большие социалистическое искусство Востока.

КАРТИНА ХУД. КУРЗИНА

УДАРНАЯ ЖЕНСКАЯ БРИГАДА.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Л. Варшавский. — Искусство советского Узбекистана	2
Генв. Финш. — Сорос вагонов ж/д	4
Г. Коваленко. — Пало на одичество	4
Е. Кривер и А. Кронгауз. — Всегда в пути	9
Илья Врейберг Обесудат с жолдыми нуктеами	12
Иванна Яковлева жолды	13
В. Данилов. — Обойди Гудер	13
В. Е. Львов. — Штурм атоного ядра	19
Т. Павлов. — Из моей жизни	20

С Т И Х И

М. Штеер. — Голубиная месь	6
----------------------------	---

А. Шпирт. — Топаринам	15
Е. Абрамов. — Шарное мяч	17
И. Бельский. — Врем	17
Дж. Келрин. — Колыбельная	21

ВЫТОВАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Обсуждение письма Евгения Окуричева. За равнение и мелочка бога	22
---	----

РИСУНКИ

Титен. — Фото с картины «Комсомолки в Доше союзов, Кураман. — Фото с картины «Ударная женская бригада»	17
--	----

Л. Бродяга, Е. Прескуриновой, И. Коновалова, Ф. О. Т. Е.	
И. Шагина и Сокофота.	

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
издает ЦК ВЛКСМ «Правда»

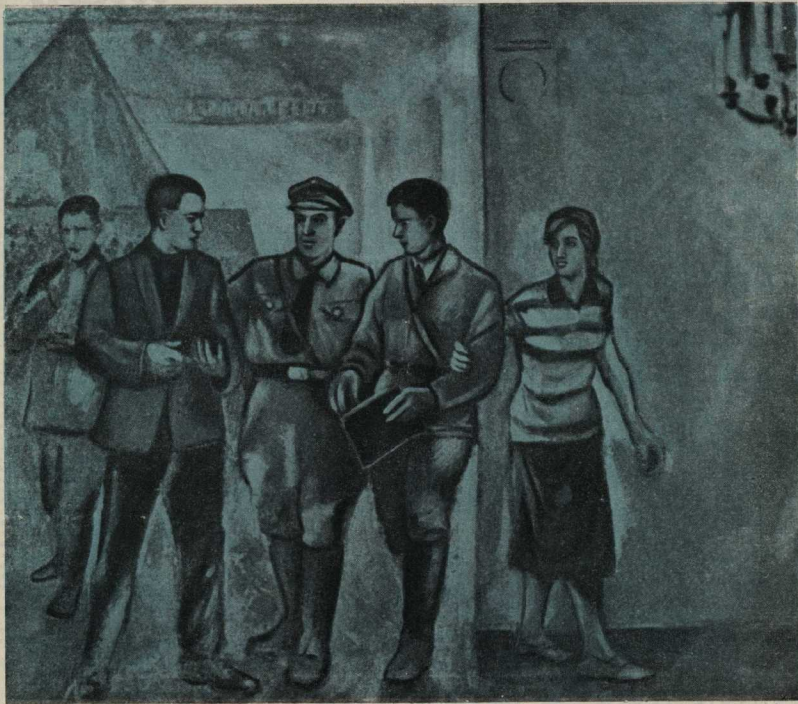
№ 9

1 9 3 4

11-й год издания

Адрес: Москва, Центр, Малый Чернышевский пер., д.34
Тел. 2-89-28

ВЫСТАВКА МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

КОМСОМОЛЬЦЫ В ДОМЕ СОЮЗОВ

КАРТИНА ХУД. ТИТОВА.

Картина Титова по существу является групповым жанровым портретом. Основная цель художника — показать образ молодого человека нашей эпохи, представителя новой породы людей, выросших в эпоху диктатуры пролетариата.

Удалось ли это Титову? Показ типических черт молодежи в портрете без того широкого исторического фона, который бы помог зрителю глубже освоить этот образ — задача для художника нелегкая. Картина Титова пытается дать раскрытие всего многообразия реальных людей в картине недостаточно. Удачно изобразив

движение фигур, Титов, однако, не показал в полной мере эти фигуры в самой живописи: палитра художника чрезмерно скупа и суха там, где, казалось, следовало бы дать яркую, красочную гамму; широкие мазки — ведь широк и ярки по своим краскам внутренний мир молодого человека нашей, социалистической эпохи.

И все же при малочисленности произведений, посвященных комсомолу, картина представляет интерес. Титов, несомненно, — способный и растущий портретист, которому следует совершенствоваться в избранном им жанре.

Сорок вагонов хлеба

РАССКАЗ

В голодный восемнадцатый год финские революционные рабочие послали поезд в советскую Россию. Поезд этот, преодолевая огромные трудности (авария на железных дорогах, взрыв мостов, отсутствие топлива и пр.), добрался до Омска... И рабочие послали свой хлеб голодающим трудящимся Финляндии. Об этом, мало известном факте самоотверженной солидарности русских рабочих с зарубежными революционными пролетариями, я написал повесть «Сорок вагонов хлеба», глава из которой печатается в этом номере «Смены».

ГЕННАДИ ФИШ

— Я всеобщая на последито вагона и робежала вперед к паровозу.

— Почему остановился поезд, когда semaфор открыл?

Было совсем темно и морозно, снег хрустел под ногами. Комиссар тоже подошел к паровозу.

Вперед стрелочник быстро вращал свой фонарь, Зеленый, белый, красный — отли салвадилсь вместе, и не разобрать было, какой именно цвет принадлежит для нас. Но вот он остановился.

Вместе стекло приветливо мерцало нашему паровозу.

— Что значит белое? — удивлялся мэчнинс Абрама. — Нам надо твердо знать: красный или зеленый? Или стрелочник сошел с ума, или на русских дорогах совсем другие правила?

— Надо идти к стрелочнику и узнать, что он хочет сказать своим фонарем, — мрачно сказала комиссар, и мы отправились вперед. Ополо будки стрелочника нас встретили бравно.

— Какого цвета вы остановили поезд?

Ругался не железнодорожник, а человек в форме военного моряка, в бескозырке и шерстяных туфлях.

— Мы не понимаем таких сигналов. Мы из Финляндии, — сумрачно сказала комиссар. — Что это значит?

— Белый означает: путь открыт... Разве вы этого не знаете?

— У нас зеленый. А вы кто будете? — обратился Карлович к моряку, и тут я замечало, что у моряка за плечами на ремне винтовка, а у пояса две гранаты.

— Проходи по своему делу, потом узнаешь! — Что за разговоры!

— Помыкайвай, — и рука матроса ползает к револьверу.

Я тоже надуываю в кармане револьвер.

— Значит, можно идти? — спрашивает комиссар.

— Путь открыт, — говорит изумленный на темноте человек в штатском. У него тоже за плечами винтовка и у пояса две гранаты.

«Здесь что-то неладно», — думаю я и хочу нагнуться к это комиссару, но он уже идет к поезду рядом с матросом.

Я двинулся всад к ним. В ногу со мной идет вооруженный штатский.

«Что бы здесь ни было, но поезд должен пройти своим путем», — думаю я, торжась догнать комиссара, но удерживает спуски. Он осторожно трогает меня за рукав:

— Товарищ, по чей тутвке идет поезд?

— Идем за хлебом для мировой революции. Путь-ва Лепина.

Он выслушивает мой ответ и начинает жарко шептаться:

— Товарищ, здесь готовится предательство. На станции стоит эшелон матросов и самодеятельно-ующейся солдаты. Вооружены... Паровоз у них испорчен. Они идут поезда, чтобы отнять паровоз.

— Или паровоз не смейный, он прислан к поезду и идет из самой Финляндии.

— Да им наплевать на это. Это анархисты. Много они понимают в железнодорожном деле.

Они кооружены до зубов. Они разгромили на нашей станции два пакгауза.

— Сколько их?

— Не меньше шестисот. За свои слова ругались. Я начинаю слышать железнодородного отряда красной гвардии.

— Что же можно сделать? Сколько у тебя людей?

— Двадцать и два пулемета. В трех верстах отсюда — слесарная фабрика, а после уже тула за подмоги, но, сам знаете, ночь, никого нет... Холодно...

Комиссар дошел до паровоза и вообразил к машинисту. Паровоз заглодал и медленно повла састав к станции. Мы с товарищем-красногвардейцем на ходу вскакиваем в вагон.

Мелькают огни semaфоров и стрелок... Толпятся на эшелонных путях революция и пустые классные вагоны. Несклько бальных паровозов восторно побехали от них. Один из них в темноте кажется великаном.

Свет за оной станционного здания и нашего классного вагона зиярует из темн несколько вооруженных групп.

Высокие широконные матросы — как будто бы Бактинского флота. У каждого на поясе ручные гранаты, за плечами на ремнях винтовки и карабины, у многих маузеры. Некоторые смелый свои бескозырки на шапки с наушниками, но даже и этих добирает холода. Робко жмутся к стенам

станции амбежавшие на шум поезда одинокие пассажиры. Вокруг свои судачки, бушуй. Их, кажется, испугали черные наши вагоны и столько вооруженных людей. А вот уже за снегу — платформа кончилась — стоит группа рабочих платая в полушубках, овинках, валенках; тоже с ружьями.

— Это наши, — говорит мой спутник. — Надо действовать, — и он спрямывает со спутник в спомы. — Мы будем ядаться здесь... А вот и их эшелон...

На эшелонном пути, злоба привокального занесенного снегом сада, выткнулся эшелон матросов и солдат. В темноте красные гусеницы кажутся лентами во темноте, как и наши. Протяг ширные эшелон вагонов с выкат и покорот открываются и вымывают людей, с таким же выкатом быстро закрываются, чтобы не упустить драгоценное тепло.

На первом в нашем комиссару подбегает матрос и, удерживая револьверами и гранатами, о чем-то начинают охрану. Поездная бригада почти все прослушав, и работа выходит с эшелонными эшелонами на платформу.

«Надо приготовить охрану к действию», — решаю я и бегу к последнему вагону поднимать своих... К действию!

На группы, окружающей комиссара, доносится эшелон:

— Мы, наверно, коньяк везете и спирт!

— Продуять хорошою вас ядом!

— Что, коммунисты, Россию продали немцам?

Ответа комиссар не слышно. Кто-то трогает меня за рукав — это Вая Залмын, красногвардеец из Петера, прикомандированный к нашему поезду.

Я стремительно обяслю ему, в чем дело.

— Це надо треба разлувать, — отвечает он против обьявления вострежено и быстро идет за мной. Я подымаю красногвардейцев охраны. Нет времени обяснить, обясню только, что положение серьезное, нужна дисциплина и решительность. Трусов будем слушать дома. Молчать. Один только что-то сказал насчет того, что живью ему дороже лютного хлеба, но другие цыпаунки, и он затих. Вывел я свою дружку на платформу, а с другой стороны поезда. Выкатная пухает.

Тем временем на ступеньках нашего классного вагона уже повисло несколько вооруженных обра-

тешек. Другие матросы пробирали штаными спаривать лобом на прутках товарищей вагонов...
— Кто? И тут Ваня хватается себя по хвосту и бьет меня по плечу. Он говорит, как надо действовать, чтобы из этой ледяной вьюги выйти без воспламенения легкого. И, правда, такая же мысль сразу мелькнула и у меня. Ваня прав. Осталось только лодку, называю себя заместителем, и мне с Ваней бежим к платформе. Около комиссара — огромная толпа, и его совсем не видно за широкими матросскими плечами.

— Да что это вы было рассудать, спускать в штаб Духонина? — Вот и все!
— Разве не видите? — Высласковский шпион!
— Товарищи! — нарывается, паровоз, приспавши на моему поезду, как только я отвечаю перед советской властью, дать не могу.
— Нам нужна своя власть!
— Ни и без твоего разрешения возьмем!
И если ни срамно, комиссар полевой ремеш с кобурой, толкает его в спину и тащит куда-то за собой. Паровоз дует толк, поезд вздрагивает.

— Не гоним поезда! — радуются крики.
— Кто-то из матросов вскакивает на паровоз. И тогда, выправ у перепуганного пассажира судорожки, Ваня Заминин, слесарь петроградского депо. Он вандской железной дороге, вскакивает да вот судорожно и с него громко кричит — так, что слышно далеко, за платформу:
— Товарищи, братья, о чем речь? Паровоз мы вам дадим; нам не к спеху. Если на то пошло, мы и сейчас можем дать такое апаратство!
— Брось звать, говори дело...
— Я это выискался!

— Я с этого поезда... работник. А сейчас 6 ми не вылезает бляха, к чему нам черные телушкини? Вылезайте на них, улаживаемся брати! Паровоз мы вам даем немедленно, только вы его не раскисните и со следующей улаовой обратно пришлите. Товарищи мы вам как же?!

— Раз так, значит драть!
— Как это понимать надо? — раздалась недружные голоса еще не понимающих, в чем дело, матросов.
— Мы сами спасаемся, — продолжал лепетать Ваня, — за нами, анархистам, вонтому два поезда с большинства гвардейки шпарт... Вагоны у нас, к сожалению, пустые, а то добром подавались бы. А если у вас что есть, может, с нами поделитесь? Нам оружие особенно нужно.
— Держи карман шпеи!

— Не жалейте, дайте на чужой обел!
Матросы улаживая, Непомреме даже говорят.
— А старшина нашего отряда... — продолжал, приободившись, Заминин, — мы сами с ним по лутым поговорим. А я ну, отцепляй паровоз!
— Последних слов Заминина я уже не слышал, так как шел к начальнику красной гвардии. Глядел я его там, где оставил. Мы говоривали быстро. Он покал меня с полуслова:

— По первому свистку моему вывести пулеметы на матросский вокзал. Дело будет жаркое!
— Мы волам к дежурному по станции. В диспетчерской было автопоездо до дуфоты.
— Сволочи! — сказала равнодушно диспетчер и поволола трубку на стол. Шпик не работает. Матросы перебрали проволка!

— Давай нашего стрелочника и спешника, — говорит начальник отряда. — Нам надо загнать их на главный вагонный путь и забить оттуда все выходы паровозам.

Едва дежурный успел выключить все, что приказ начальнику, как в помещенце вывалилась группа матросов.

— Отцепляем поезда!
— Паровоз добьем! — равнодушно спросил дежурный.

— Есть паровоз. Мы чего захотим, того и добьем! — хвалясь заглаву, один из матросов, усмешливо отрывая печаткой побелевшие уши.

— Чего же вы хотите? — так же равнодушно спросил дежурный.

— Нарезки, — гордо ответил заступил.
— По домам чтобы, — как только вставала другая и уже уверенность повторила: — По домам, скоро вода и посев у нас, в Ватской...

— Так, так, — скавала в пустоту дежурный и став выключать пушки для отправки матросского эшелона людей.

Мы вышли на перрон.

Кто-то уже отцепляет паровоз. Машинист Айрола чужою ругается.

Наш комиссар сидит на перроне. Никто не обращает на него внимания, и он смотрит на темную стену телушкини словно в пустоту. Я полхожу к

нему и говорю громко, будто спорясь, будто препираясь с ним. Пусть Айрола на паровозе тоже слышит мои слова!

— Скажи Айроле, чтобы действовала, как велит Заминин. За все я отвечаю перед народным упомоноченным и рабочими Гельсингс. В отряжтом бою ми матросов не возьмем: их больше, и у них оружие. Надо их разоружить. Надо их заминать обратно в телушкини, а там будет легче. Полагайся на меня.

Я хочу объяснить ему весь наш план, но тут двое прохладных матросов останавливаются и полорозительно смотрят на нас.

— Немедные шпикомы, — говорит один из них.

— Нет, — успокаивает его другой, — это они по-своему, по-чужимски лопочут... А ну, прекратитесь! — командует он.

Но тут уже комиссар величаво обращается к начальнику матросов:

— Разрешите мне дать распоряжение машинисту, чтобы он отцепил от нашего поезда паровоз и вел вас поезда?

— Ну говорю, — снисходительно соглашается матрос.

И Карпович командует по-фински:

— Айрола! Делай все, что тебе скажут Эйно и Заминин, маневрируй, но не выходи с территории станции.

Айрола тот же бормочет и соглашается. Со стуком падает кольцо сцепной связки. Буфера перестают стучаться, на тормозного шланга с шинником выходит воздух. Паровоз медленно отходит. Он идет выбирать воду.

Наш поезд остается обезгаженным.

Теперь надо действовать решительно, осторожно и точно.

Я спешу к своим. Надо объяснить план действий, чтобы всякий в курсе его суть до последней мелочи.

Мы слышим рожок стрелочника, гуляя маневрирующего паровоза и громкий голос Ваня Заминина, выходящегося у топки, рожок с Айрола.

— Пора, товарищи, пора, — говорю и своим ребятам, и мы быстро идем по путям на соединение с отрядом русских красновардейцев. Они уже пригтованы действовать.

— Ваш план изложен, — говорит мне начальник отряда. — Останется матросов хлест, с оружием, чтобы они потом разоружим станцию!

Я не отвечаю и думаю, что товарищ прав. И я лопучаюсь палм до конца.

Только бы выгорело все!

Начальник с неутомимым смотрит на меня. Полагает ласчачим. И потом как-то сразу загорается:

— Да, если нет иного выхода, безумие может помочь.

Он жмет мне руку и смеется.

— Да бог, чтобы сошло, — вкрестится какой-то борюдак из его отряда.

Я выхожу на перрон: матросов стало меньше. И вот слышится стук буферов, стрипи стелает: паровоз приближился к поезду анархистов. Айрола ры-

нок берет с места шпиком и дает громкие позывные гудком — подбегитовало; увеличенным гонимым матросам бегут, пересекая железнодорожные пути, к своему шпиколу. Высквакивают огдавшие фигуры из стационарного помещенца.

Мы начинаем осуществлять план. Кадаович тащит пулеметную установку на путях поезда.

— Галмо-то! Мако! Сминой шпиком, приподнялся! — командует начальнику своим красновардейцам.

Теперь уж я не понимаю, в чем дело.

— Все в порядке, — говорит мне начальник.

Мы полубочем, с винтовками в руках, направились к маневрирующему на путях поезду. Товарищи выстраиваются пулеметом и катят их всадл за нами. Повременю играет пастуший рожок стрелочника, слышим стук сцепки сцепника, короткие гудки паровоза, стук тарелок буферов и брягачение сцепки.

— Правильно, Айрола! — кричу я изю всех сил и командую пулеметчиком:

— Если отряжется какал-шпиколу дверь, по первой моей команде — огонь!

И я вижу, как пять человек из русского отряда отцепляются и бегут вдоль шпикомы. Один приваливает на двери вагона, а другие отступают свои шпиком как эскимсы. Вот дал чего понадобилась шпиком!

Лопко! Телуш телушкини снаружи закрыты. На что отряда не выдерется вагон.

— Ну, будем действовать дальше, — совсем спокойно говорит начальник и начинает дубинить а дверь первой телушкини. Поезд идет медленно, но нам нужно все же, чтобы не отставать, идти быстрым шагом.

Рожок с телушкиной ваши ребята жалит прелеет. Вокруг нас — кирдиченье, темные от копоти жезло железнодорожные строения, заспаные снегом товарные вагоны, одиночные, большие паровозы, штабеля дров.

Начальник рукожатю ваганы барабанит в дверь.

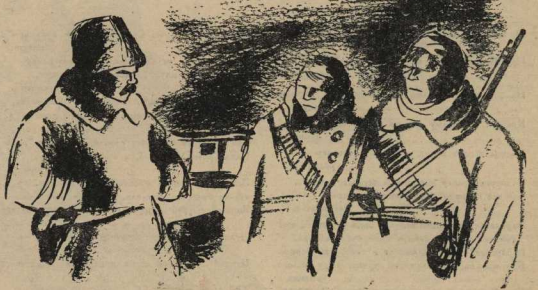
— Отперый, жидет, баба! — мы слышим, как в телушкину кричит. Дверь медленно начинает поаказывать и, пока она поаказет, в телушкину успеваем встроиться мы с начальником и еще один красновардейцев.

— В чем дело? — спрашивает равночуживо открывшая дверь матрос.

— А вот в чем! — говорит начальник, авлода курок нагана. Я делаю то же самое. Красновардейцев целуюта автомном.

— А вот и чем дело, — повторит начальник, — разолопачивание советская власть рабочих проаждат немедленно слать оружие. Через четверть часа выхолдит к станции шпиком Латышевских стрелков и красные финны — вот уж делаются, — он вывучу на меня. — Если вы не сладите оружие, булете убиты откопаны все до одного. Красновардейцев с фабрикой окружим станцию и путы. Ваня отсюда не убиты живыми, если не сладите оружие.

Если сладите сразу, советская власть гарантирует вам отставку по домам в течение полутора суток. Финский поезд заберет с собой один вагон

¹ Телушкини действительно были черные как и все товарные вагоны в Финляндии; тем самым зная как окраска товарных поездов, но матросы этого не знали, и Заминин воспользовался их невежеством.

Нас встретили бравью. Ругался человек в форме воениора в бескозырке и шпиротных наушниках.

тех, у кого дома в Вятке, Перми и Екатеринбурге. Кто из нас оттуда?

— Я!.. Я!.. Я!.. — раздались несколько робких голосов.

— Брось шубушник! — приворкнула на них вождь.

Матросы зашумели, вагалади. Послышались стук взводных курков.

Около вагонов дежурит охрана...

— Советская власть не шутит! — громко сказала начальник и скономандовала: — Огонь!

И тогда, как было условлено, дали на большую очередь в воздух наши пулеметчики. Первый пулемет замолчал. И с другой стороны поезда очередь повторила второй пулемет.

— Смотрите! — сказала начальник.

Матросы увидели, как рядом с вагонами идут вооруженные люди и жатят пулеметы.

— Давай оружие! — начальник сорвал с плеча ствольный ящик матроса винтовку.

— Ну, ну, потише, — угрожающе произнес тот.

— Не разговаривать!

И комиссар, взяв винтовку, передал ее мне. Я бросил ее в вагону.

— Давай оружие!

— Еще две винтовки я передал на мороз и крикнул:

— Товарищ комиссар, пусть поездная бригада берет оружие!

— Бросьте вы морозить телушника, закройте дверь, — сидит только что проснувшийся матрос.

— Он еще не раскумарила толком, что просят.

— Скорее сдадите оружие, скорее закроете дверь, — уверенно говорит начальник.

Наших ребят в телушнике уже десять человек. Они держат винтовки готовыми к бою, но никто из матросов не слезает сверху. Приходится нам самим свисать со стенок, вытаскивать из-под тонких матросов винтовки.

— Руки вверх! — командует начальник. — Будь слышать гранаты.

— У меня нет гранаты, — говорит один из матросов и засоваивает демонстративно руки в карманы.

— Выпуск!

— Раздается короткий удар рукояткой нагаза по голове — и матрос, схватившись обеими руками за голову, мешком оседает на нары.

Так мы выбираем на телушника винтовки и гранаты и выскакиваем на пульт. Властят морозные реалсы. Темнеет цвет последней бригады. По этой цепи передается оружие из матросского вагона в наш поезд.

Цены все время приходится менять положение, потому что вагон непрерывно маневрирует.

Первая телушка нагазу заперта. Рядом с ней бежит рясной краснотварец: он наблюдает, чтобы никто не отсыривал лок.

И тогда мы проделываем такую же операцию со второй телушкой, третьей, четвертой.

Поезд продолжал маневрировать, и странно, что никто из морозов и солдат, находившихся в других телушках, и в голову не приходило проверить, что это даст такие гулкие пулеметные очереди! Они или уже спали или так привыкли к стрельбе, что несколько случайных выстрелов ни во что не ставили.

Мы совершенно забыли об опасности и, чтобы дело было быстрее, разделись на две группы и принялись обестраивать телушки с разных концов поезда.

Я со своими и с Ваней Замыниным стал рабо-

тать с вабста. Нам попались солдаты — более спокойная публика.

Ваня говорил мне о бабах, которые идут в северные, о том, что им не расквитать своей жизнью из-за ларинной винтовки, которую к тому же нельзя чистить. Он говорил о том еще, что через двадцать минут придет сюда вагон из латинских стран.

Среди солдат было много бородачей, и некоторые из них разворужались даже с охотой. Особенно любезно славян оля гранаты.

Матросы были уже активнее.

Когда мы разворужаемся с вабста два вагона, в голову раздается взрыв и оглушительный крик.

Я побегал к месту взрыва.

— Из ложа первого вагона какой-то солдат бросил гранату в нашето часового, — возмущенно говорит начальник.

Уже несут на станцию ступошлого шрапнельярабаче. Уже выходит из пришедшего вагона бросившего гранату матроса — это тот самый, который уже получил удушье от начальника.

Двое идут его куда-то и волокают.

Из-забоба бьют роком, дребезжат, стазеживался, буфера вагонов, ровню горят отояния сигнала.

— Мы слишком поверхностно разворужили. Надо будет обмыслить, — говорит начальник русским, и мы раскисали по своим местам и снова принимаемся за работу.

С большой неохотой дают нам на просмотр свои ступицы и мешки солдаты и матросы.

Ваня вновь спешит осваивать испорченные. Он сразу выводит аршин отовь карманного алевстрического фонарика. Свет этот слепит смутьяна — он отворачивается, закрывает глаза рукой и под навледенными на него дулами, ворча, пихает нам в руки несколько свое имущество. В мешках, случаем мы нашли еще немало оружия и боеприпасов.

И вот уже оружие почти все валято. Телушки закрыты снаружи. Паровозный вагон оставил их на дальних выносном пути и забывает сейчас этот путь провозником. Около вагонов дежурит охрана.

— Ну, с каждым прохолодящим поездом я буду отправлять один вагон, — говорит начальник и начинает оттирать себе уши снегом. — Осторожно, в этой передаче совсем не заметил мороза, — пытаясь он шутить, но видно все-таки, что его беспокоит тревога.

— Теперь поновикаем, — говорит он мне. — Владимир Яковлев.

Называю себе, и мы крепко жмем друг другу руки. Мы идем на станцию.

— Спасибо, товарищи, — говорит Вале и мне товарищ Яковлев.

— Спасибо, товарищи! — отвечаем мы.

И. ШЕХТЕР

ГОЛУБИНАЯ МЕСТЬ

На шестом этаже, на враню водосточного
жалоба,
Над Пречистенкой, над золотой суматохой
Москвы,
На законной жилагошадни поселилась веселая
голуби.
Крышей — силнее звездам, подстилала из святей
траны.
Солнце сходит наизет, и на небе вечерней
распятые,
Золотую фольгу постепенно терют кресты...
Кто же их надомла, пернатых зонх
согладатеве,
Заручится доверьем поэта и быть с ним на ты?
Тыслетает перо и, качнув напирное облако,
Вороненая нох проламывает в окне, как баркас.
Круглый чайник блажесто урчит, и от милого
облака
Я уже не могу оторвать утомленных бессонницей
глаз.

Что-то не по себе. Сладко пахнет бурьяном и
мятою.
Украина моя, ты мне слышишь почти наяву...
Вот на город идут, нахобучили папани
косматые,
Прощадли-шкурковыи, поповскую теша молву,
В самой лучшей гостинице, под шипарной
калечкой «Астория»,
Где на лавах чужуных стоил губернский лавы,
Пахло конской мочой, в номерах до утра
тараторани
Засуающиеся дельки, распухшие от иратыи.
«Я из бо-о-о-е сиде-саа, да бочка но-ва-я-я!»
Винный погреб разграблен долга, разверзлась
пальба,
Нула-хура прошила окояинду — в палец —
дубовую,
Птичий вымок и шрам поперек восхитительного
дба.
Так открылся мне враг, так, поклявшись на
гибель обречь его,

Я винуша первоизданую ненависть пичным
сердцем.
Отвечал черешни, и этим расколотым
вечером
Я пернатых друзей обучал хитроумным делам.
О почтissime дни над пролстани города
черешни,
Над горбами домов, над затравленным криком
отаржи.
Это все доставалось макушкой, именованным
зернами,
Минской теплой водички, недетским упрямством
мом.
Это место облекалось во плоть, и на запад
осенинии
Уносилась ветрами над синей ладонью реки.
Это шла голубиная месьта на дискусу с боашнии
донесением,
Это в детство и в город вступали большевикни.

ПРАВО на ОДИНОЧЕСТВО

ЗАПИСКИ «ИНДИВИДУАЛИСТКИ»

— Ночь. Наших квартира молчит. Я нездоровьешуась. Пришла фантазия побориться одной по городу. Я еще никогда не бродила по городу одна да еще без определенной цели. Как хороша вечерняя Москва. Словно впервые я ее увидела. Шагала по улицам, не унывала ни. В самом деле, всегда куда-то спешить, всегда смотреть по сторонам. Или гуляешь с целой гурьбой товарищей, болтаешь, смеешься и толпе явчею не замечаешь. Прекрасен вечерний город. Асфальт затоплен лунным светом, а глаза у людей — блестящие. Эта прогулка наедине с собой освесила мозг.

Добравшись до центра. На площади Свердловая много света и везде пролает светящиеся вертежи, белые зонтики, толпы. Точно праздник. Стояла под фонарями и разглядывала конищу на большом театре. А в городе громко известили о том, что сейчас будет передавать «Биржевиком» Губинштейна. Я еще плохо знала музыку. Играли что-то очень хорошее. Стояла, смотрела на конищу, на сафеторы и слушала музыку. Какие-то ребята и девушки проши, посмотрели на меня и засмеялись. Наверное они подумали, что я провинциала, в первый раз приехала в Москву, и вот глазею по сторонам. А я и впрямь точно первый раз все это видела. Потом олять кто-то прошел и засмеялся. А один парень в лаковой шубеетейне сказал мне из уст: «Слушайте, гражданочка!» Тогда я ушла на автобусную остановку и стояла там, будто ждала автобуса. Теперь уже никому это не казалось странным, и я делю так стояла. Проносились, звонил, трамвай, мелочник, идущий трамвай-шаром и голубые автомобили. Звон трамвая, автомобильные свистки, говор прохожих, музыка — все это смешалось в одно. Потом пошла на Красную площадь. Она меня сделала удивлен, даже изумленно-вава! и самая площадь, и светлос небо над площадью, и живые пламя флага. Вообще все. Я несомненно раз прошла через площадь и так долго стояла на всех тротуарх и перекрестках, что боялась, не покажется ли это индивидуалистичным милиционеру. Я не могу описать Красную площадь ночью. Природа не одарила меня потугиванием талантом. Но если бы я была поэтом, я написала бы большую поэму о Красной площади ночью. Идла слая бы в себя художником, я написала бы большую картину и там бы все рассказала. Я не-

просто бы куда-то проходила сюда иногда ночью. Потом и пошла куда глаза глядят: бродила по неизвешаным улицам и переулкам, даже заходила в какие-то хрывые тунички. Ша и думала о многом. О своем и о жизни. Как много выросло в городе ночью, даэнии! И везде шахты Метрострой. А наши-то поселок как хорош ночью! Когда я возвращалась домой, валянула на него со стороны, а даже сондее замерла, как много очей, как много раскрытых окон, как много вышес домов! Передавали по радио ночью танцевальную музыку, и из моих онов неслышно звуки вальса. Я даже расхохоталась: весь наш поселок захлебывался в вальсе. Все корпуса пели, трубили. Звучалось танцевать, я закружилась, так и вальсела, кружилась, а подбела. А подбела бма темный, в темноте дремала конка. В вальсе вальса я вступила конше на хвой, и она отчаянно завопила. Завтра непременно расскажу ребятам о своем ночном путешествии.

...Повздорилась с ребятами. Не знаю, что из вас прав, но я не чувствую себя виноватой. Несомненно дней вечером после работы я нигде не хожу с ребятами, а сижу у себя в комнате и читаю. Прочитала Соболева «Капитальный ремонт», а сейчас читаю интересную книжку Перельмана «Месяцелетний мой путешествия — основы ракетного летания». Книжка научная, но очен приятно и увлекательно написана.

Мен доставляет сейчас боольшое наслаждение уединиться в своей комнате и читать. В комнате у меня теперь очен хорошо, чисто и как-то прохладно. Дядя Стелва, наш заводской плотник, сделал мне конспору полку для книг. На оней у меня стоит лампочка. Кровать я пошерла белым покрывалом, оченно купила на премию. Пол мою через день. Еще я купила глобус, и в комнате очен хорошо. Покаж шум и ушел, после бурных собраний хорошо поворачивается на диване с вышивкой. А вальса даже и не читаешь, а просто лежишь и думаешь. Я ведь всегда явля в обшественной я не вальса, что такое «своей комнате». Теперь я расхваливаю. Вась Цапгинов тоже жмет одиш. Он мой осед. Борис и Абрам — вместе. Бала — одна, Ида — одна, Катенька с матерью. Вот и вся наша квартира. Когда нас переселили на обшественная в новый

...Нач хорошо было в еси!

дом, все это казалось странным, и первое время мы не могли привыкнуть к тому, что у каждого есть своя коншета. Каждый минуту бежала друг к другу, бросали свои вещи то в той, то в другой комнате. То в дело слышался голос Балах или Иды: «Ребята, где мои бреты? Я пришла с завода и даю-то свой шапка. Не у тебя? Не у тебя?»

А у Васи Цапгинова, у Бориса и Абрама двора до сих пор настежь, Вальса пономно-шдет свои вещи в комнате Бориса. Как я могу хожу рассказывать, почему повздорилась с ребятами. Это началось так. Каждый вечер ребята, даже ие постучав, вальт-т ко мне в комнату и даю сидеть. Почему-то любят сидеть именно у меня. Борис играет на маховике. Ида и Катенька поют, Балах ругал в кивельсах. Сидели, болтали, потом у вальса всей группы куда-нибудь. У меня только два стула, и потому все садятся на кровать, как, бывало, в обшественной. Я купила себе белье пошервало. Вась Цапгинов ушелся на кровать. Я попросила его сесть на кровать. Вась обиделся. Он очен вспыльчивый. Назговорю много дерзостей, что я обмешиваю вальса и т. д. Меня это возмущало, и я тоже отвечала дерзостью. Делать как помирал, и мы все ушли на «Чужестный слала». Но дерзость не в ордесе. На следующий день у меня было предложение посидеть одиш. Мне не хотелось, чтоб по мне приходил ребята. Я первый раз в жизни закарала двора на кровать и сама читать. Ребята ругаву двора. Потом постучали. Я открыла.

— Ты что записываешь? — спросила недооливо Балах.

— Читайю, — ответила я.

— Она боится, что мне ей шапканю пол, — закричала Борис, — и сомнел ее расхопие пошервало.

— Он спускал гривнуш, и все рассмеялись.

— Не бойся, Мишенька! — роздала Борис, — мы будем сидеть на полконшичке.

Они ушелся на оию.

— Ребята, — сказала я, — мне хочется читать.

— Ну и читай. Мы тебе не хотим мешать. Идла знаешь что? Читай вслух!

— Балах, — сказала я, — тогда я пойд в твою комнату, а вы одите идесь. Я хожу одна читать.

Понимаете, мне не хочется быть одной!

Тут и вспыхнула ссора. Абрам стал кричать, что это не по-коншомоясь, что я записываю от товарищей, что я их выговарю, и т. д. и т. п. Я ответила, что ничто индивидуалистично не являю в том, что мне хочется побыть одной. Тогда ребята припомнили мне мою ночную прогулку по городу. Балах объяснял, что я становилась индивидуалисткой, что я отрывалась от коллектива.

Они все ушли и Балах и поштал.

Вот уже четыре дня ко мне парочку никто не приходит. Сегодня в деле я попросила у Катеньки пошервоубы, а она ответила: «Надо завеста своих».

...Ребята продолжают дуться. Сегодня все пошла кидаться на Мосолова-вра и меня впервые не позвала. А мне очен хочется поштал.

...Прочитала «Месяцелетние путешествия». Как интересно все это! Ноуждла вступить твоей деле, когда вышесные корабль-подлодки перешли нас в другом мире. Тут, как верошало! Навошра математические расчеты, которые были в книге, я не поняла. Надо мне все же заняться математикой. Как много надо пошеить явчею, чтоб все хорошо понимать. А я еще так мало знаю. Становится страшно, когда думаешь, сколько еще книг не прочтано. А ведь мне уже девятнадцать лет!

— Понимаете, мне хочется быть сейчас одной.

...Я несколько раз пролеза через Красную площадь.

Очень утаскала меня эта наука о межпланетных путешествиях. Надо списать в заводской библиотеке якуто-инбуду книгу по астрономии. Как интересно в книге пишется про будущих морских бескапельной, про космических странников. Словом-то какие! Мне даже слова эти нравятся. А ядрут и я когда-нибудь буду космическим странником?!

Отношения с ребятами ухудшились. Вчера все вместе ходили в парк, а сегодня после работы — в кино. Потом вернулись домой и я шел на кухню чай. На кухне все хорошо, только второй чай выдержался нам детьми. Васю Цыганкова занесли на красную доску. Слыла не знаю, почему мне сильно нравится Вася Цыганков.

Сегодня была в Третьяковской галлерее. Ходила туда одна. Я там была уже с экскурсией, но мне не так понравилось. Как хорошо бродить одной по картинам залам галлерей. Мне казалось, что передо мной открываются миры. Прошлый раз я смотрела на те картины, на которые залала сюда творец руковожденница, и слушала ее объяснения. А сейчас я оставалась перед теми картинами, которые сами привлекали мое внимание. Некоторые картины мне сильно нравились, а уходила из комнаты я снова возвращалась. Я люблю живо живописи. Имена художников меня не интересуют. Теперь я решила, что непременно буду посылать талассе. Там есть такие работы — хочется долго, долго смотреть за них и думать. От одних картин радость, от других грусть, третьи куда-то вонут, становятся тревожно.

Давно ничего не записывала. Нюхнула было. А сегодня произошло такое, от чего мне и самой страшно. Вдруг я и впрямь стала видеть индивидуальность, как говорит Балаа? Нет!

Вот уже минуло три недели, как ребята и я делую из комнаты по мне свое отношение. Вася Цыганков, Борис и Абрам иронически улымаются, Иля, Катюшка и Балаа стали каменно-замкнутой, обижено поднимают губы, когда я с ними разговариваю. Мне это тяжело. Я люблю и их, ясты, но так сложилось за годы нашей жизни в бараках, они мне все как родные. С Балаой и Васей Цыганковым я особенно близка. Мне больно, что Балаа так ведет себя.

Сегодня был выходной день. Я давно мечтала как-нибудь поехать одна, совсем одна за город и поспать по по лусу. Никак не могла выбраться, в выходные дни у нас всегда была заводские выходные. Так бы и вышло и сегодня. Глянула все вышло, пошла открываться в Тарасовку поехать на лодках, попутешествовать, поиграть. Вчера повариха в квартире была веселая котерма. Дочери ирочно ели была платит, Абрам улыбовалась, мойбай и шалматы. Борька и Вася возманись с учебными. Я в душе уже решила непременно вышлудить залуданую — поехать одна в лес, но никак не могла сказать ребята. Вдруг они меня подивились, почему так начнут обвинять в самохотных прогулках.

Иля спрашивает:

А ты в каком платье, Маша, поедешь?

Отвечает:

— Я завтра не поеду с вами...

В кухне стало так тихо, что слышно было, как капала вода из крана.

— Что и сказала доказать! — ядротил восклицательная Вася Цыганков.

Меня возмутила васин смех, но я сдержала себя. Тогда Балаа перестала галлать и, подождав галла прямо мне в глаза, сказала:

— Балаа, — сказала я фальшивым голосом, — Я сама не знаю, как это случилось, но я облгаа ребятам. То ли явной били васин смех, то ли поворотный взгляд Балаа или события ирландия несды, но только и не могла просто сказать, что вот, мол, мне хочется, ребята, одной провисти деть в лесу — без воллебай, без песен, без шума, а просто одной походить по лесу.

— Я очень люблю лес и давно там не была. — Балаа, — сказала я фальшивым голосом, — у меня больна тетя, я проведу этот день с ней! Без молчал. А Балаа презрительно сукала свои чудотные тонкие губы и суало замгла.

— Ты говорила, что тетя твоя в Калинин.

Я покраснела.

— Я явил сказала, что тетя была! — заорала и убежала в свою комнату.

Бродясь из кровати и раскладывая от догочено. Было тошно и от своего ярыния и от того, что не могу сказать ребята правду. Почему? Словно я преступление хону совершила! Было больно. Очень хотелось, чтобы пришла кто-нибудь — Балаа или Вася. Тогда все бы устроилось. Но никто не пришел...

Утром я не вышла из комнаты, пока ребята не уехали. Тогда я и пошла.

— Как хорошо было в лесу! Там у меня пролегло бурное настроение. Забралась в самую чащу. В сущности, я давно уже не была в лесу. Деревья совсем золотист от солнца. На листьях — ягала. Было так тепло. Аждал на траве. Глаза тыпили — прямо все звенит. Много думала. Дни такие насыщенные, так быстро бегут, о многом не галлоа думать, а здесь так тихо и все вокруг разглядывать и думать. О чем думать? О том, что читала последние номера, о злоде, о себе, о Васеке. Слыла туфли, чулки и босиком ходила по лесу. Нашла один белый грибок, много земляники. Визела съела и бекму. Очень было хорошо. Набрала на хвойной лесной ручеек — очень сладкий, все камушки видны. Пришла ртом к ручью и плаа — наслаадились!

Вечером пришла в город очень счастливая, забывая о соре, билаа домой. В квартире никого не было, кроме катенькиной мамы. Потом вернулась ребята. Квартира наполнилась звоном, шумом, веселым разговором. Мне странно оказалось раскладать, как и провала день в лесу. Выслушала к ним в кухню. Ребята окружили катинку мать, покормили ей серебряных щук, которых поймал Борис. Реншан непременно сейчас же вернут ую.

— Ну, как твой тетя? — усмехаясь, спросила Балаа.

А остальные ребята мне не замечали. Особен-

но Вася. Он как-то подчёркивал это. Он схватил Илу за руки и закончил:

— Ида-то как загорела!

— Балаа, — тихо сказала я, — зашли ко мне в комнату, мне надо поговорить по важному делу. Балаа пришла. Я ей рассказала, что была не у тети, а в лесу, что мне стыдно, потому что я наврала, и вообще мне тяжело, а ребята изманили свое отношение ко мне, а ведь я все та же. Все такая же.

Мы говорили долго, не заикаясь другу.

— Балаа, — сказала я, — пойми, мне так тяжело. Мне казалось, что я не совершила дурного. Разве у нас нет права на... ну как это сказать?.. на одиночество? Балаа, иногда так хочется побыть одной в комнате, почитать, подумать, собрать мысли. У меня раньше не было желания ходить одной в галлерей или в концерт, а теперь иногда бываю такая потребность, и я лосею же думаю, что это от того, что я оправиваю от камалитня. Балаа, иногда так хочется породить одной по городу или вот ходить в лесу как сегодня. Мне казалось, что я не совершила ничего преступного против друзей со всеми вами, против комсомла. Поиамань, Балаа, иногда просто необходимо мне как-то побыть совсем одной. Но если, Балаа, вы считаете, что это дурно, так и больше так не буду, потому что мне тяжело без вас. Всегда одна я и хочу быть...

Я расчувствовалась и уже говорила совсем не то, что хотела сказать. Я хотела убедить Балаа в том, что я права, а вдухачусь так, что и забываюсь в какой-то грех.

— Ну вот, теперь все будет хорошо, — торжественно сказала Балаа, — и всегда знала, что ты бросишь эти интеллигентские штучки и вернешься к нам.

Да, да, она так и сказала вернешься к нам, словно я куда-то ушла от них. Мне ревнуло эти слова, но я ее не перебивала.

— Я даже работ удержала от того, чтобы поставить вопрос о тебе на яеике, — продолжала Балаа, — а ты знаешь, Идаа хотела уже на яеике говорить о твоём странном поведении. Ну, ладно. Мне! А теперь идём есть ую!

Мы вошли в кухню обнившись. Ребята встретили нас ассаемь криками. Мне ели на кухне ую. Вася Цыганков сидел со мной рядом, шутливым манером отшучивался.

— Сейчас все спит. А я вот шутю. Мне тревожно. Ребята мне не поналы, и такой мир меня не радует. Завтра я, конечно, не запру дверь. Салудной выходной день мы подем все вместе на Бороумские горы. А что будет дальше — я не знаю.

Ребята не от читательского отзыва на этот очерк.

ВСЕГДА В ПУТИ

ПУТЕШЕСТВИЯ

Михаила РОЗЕНФЕЛЬДА

«...считаю своим долгом отметить выдающуюся работу вашего корреспондента тов. Розенфельда, который на своих плечах вынес еще политико-воспитательную работу как полтора экспедиции. Нет таких операций и авралов, где бы тов. Розенфельд не участвовал. Рад об этом сообщить Центральному комитету комсомола и «Комсомольской правде».

(Из приветствия начальника экспедиции Эпирон Ф. И. Крылова ЦК ВЛКСМ и «Комсомольской правды»)

«Этот пришел к нам с треском. И сразу наша кюветка наполнилась веселыми рассказами, болтовней и смехом, от которого пошлакая в чьи-то станы. Этот сразу стал нашим — так в письме к Розенфельду пишут о всем моряке «Красина».

Заставлялись писывать. Вдаль и поперек, в земной тесноте прищипки, добавления, подписей, стихиков или исправлений добрыми словами дружили и привалялись люди, которые тут же называют себя «работниками арктического транспорта» и добавают риторичности: «Мы видели и день и ночь, знаем земной и жару, цыпты и копейки, чистой спирт и конвоевое молоко. Много корреспондентов пролегло через нас борт...» Дальше следуют несколько но очень лестных слов о некоторых корреспондентах.

А вот этот, который «пришел с треском», с ферверком шуток и остроум, удачно поправлялся морком. «Сего-

Машину австрия в баржах Кара-Нума.

дня укаляет, и у нас чувство, что срывает любимую родинку, — как не укажет, но зато как нежно! «Ну что ж, слыш, Миша, помни о нас, нам еще много времени блататься в чьи-то бы. Помни, что, собираясь в кюветку, завод «Экспресс» мы заставим работать, им всегда будем вспоминать тебя...»

А сбоку, по углам, мещу строки... — карандаш, воскалительные записи. Всем хотелось приложить руки и писму, выдирать пару теплых слов Мише.

Так подружились с корреспондентом «Комсомольской правды» большой солевой корабль, дельца «Красина». Но много есть в Союзе кораблей, много самолетов, автоколонн, которые числят Розенфельда своим закаленным другом. Все они обязаны этому дельцу человеку своим добрым настроением в труднейшие дни совместных походов, когда шутка приперевет во рту, как это было в Арктике, или испарится с губ от африканской жары, как это было в Кара-Кумях.

Мужество Розенфельда заключается в том, что в любой, самой сложной обстановке он сохраняет абсолютные невозмутимость и хладнокровие. Когда сняты со шибирских скал «Мамантина» с лавастеи в трюмы вояды пробивался в Мурманск, его поддепывали на воде не только отва-

жников и хладнокровие командиро, но также дельное сложность и выдержка полнотрава. Он остается самим собой на любых широтах. О, это совсем не так просто шутить на 40-й день плаванья во льдах! Не так-то просто шутить и в пустыне, где людей на каком-то шагу подстреляют комары. И вот в такой обстановке — большая удача иметь в числе своих соратников Михаила Розенфельда.

В последнем своем походе он был назначен полнотрава — это, было в дни спасения «Мамантина». Для поддепывания в льдах энергия и бодрость во льдах и на полуавтономном «Мамантине» оказалась сведенно газету. Если бы знали мирно работающие в городах журналисты, как надевалась эта газета! С раннего утра, после ночного аврала, Розенфельд отправляется в плавание: он оббежит все корабли, на которых была разбросана экспедиция Эпирона; он проблажит к ним беседы на все трудности и тут же выматывает в работу, а затем печатает в газете день операции. Иногод неважно было добраться до какого-нибудь корабля. В таких случаях Розенфельд выматывал сигнализацию и флажки интервировала энергию на далеком корабле горсточку людей. Кто из бывшей корпорации журналистов сможет похвастаться таким интервью?

Потом Розенфельд спускался и авалу делать свою газету. Если корабельный писарь отсутствовал, заменившийся с ног редактор, автор и типограф своей газете — Розенфельд — сам садился за машину и обрушал на нее поток пламенной информации.

К утру газета готова. И утром же начинается аврал. Розенфельд еле стоит на ногах, но идет на аврал. Он таскает мешки, грузит уголь, продолжает шутить и смеяться.

Розенфельд — на восту. Его гостями зачитываются моряки. Вместе с героическими людьми Фотия Крылова этот взрываетый листок бумаги тоже расхватывает «Мамантина» и илюции, svijнет его со скалы. Вместе с героическими соратниками Фотия Крылова Розенфельд получает орден.

Известие об этом распространяется по всей стране. Корреспондент «Комсомольской правды» получает приветствия от моряков, летчиков, кочегаров; его поздравляют шутники по 14 экспедиций; писма и телеграммами приходят из Мурманска, Камчатки, Средней Азии, Дальнего Востока.

Ответа, он пробует иногда отшутиться. Читая его писма, ставшая о раскаях и бесноватых странствующих, иной и взгляд может почувствовать, что юмор — основное свойство этого энергичного, неутомимого человека, однако мы, работающие с ним, прекрасно знаем, что это не так, ибо

юмор его — это фория, в которую облечено настоящее мужество.

Стропы авроста были тут натрпите. Среди дельца возматалась у горозита, тревожные мысли о падельных воздушных шарах прилетали к Михаилу Розенфельду.

Он стоял среди оживленных людей и механически отвечал на вопросы. Гигантский шлоковый плавур трепал над его головой.

Михана не стал сположно лететь на самолете, знал, что машина получитесь вале человека. Но шар, послуживший сценарий экспедиции, пугала его. Где-то в глубине сознания возникла искра: не откатиться ли от полета; но уснаем воли он погнался ей, и сразу стало легче.

— На старт! — крикнул командир, и все разговоры смазали.

Михана заставил себя успокоиться и ваял со дня корзинки чистого воздуха. «Как только сплываюут «Дать свободу», — решил он, — брошу ластовки и громко скажу: «Да здравствует «Комсомольская правда»!»

Он почувствовал толчок и вазнакнул ругой; кричать было слишком; земля разувалась вниз со слабой стремительностью, и только несильно движущийся пятна промелькнул над корзинкой.

Сразу стало темно и тихо. Вавити деревенских огней разлетались по сторонам, и в напряжении, почти арктической тишине доносилась с земли негромкая песня девушки.

Первое время плают, радост и спецкор молчали. Сильно хлопоты обложив

раскачивались над ними. Огни внизу становились все более тусклыми.

— Розенфельд, — сположно скавала Шелов, — ты чего аскавал. Держи верту.

Он указал на ронный ряд огочков, летящих под ними, и добавил:

— Вот Коломна, следы влодь дэроги...

Вскоре огни исчезли. Обложка начала тжмелеть от влаети и опускаться и земле. Смысл скватиться за меника с бластом. Опуститься, ноюю было очень опасно...

Бласт убывал с каждым часом, но авростат продолжал снижаться.

Внезапно Михаил увидел легкий свет над горизонтом: это блибацца дэссет.

Настало утро. Шар начал нагрываться и стремительно вошел на под'ем.

— Надо открыть клапан! — сказала Сиделов и рванул веревку.

Но шар неохотно тнуло вверх. Альтметр показывал высоту 4000 м.

Сиделов тихо скавал:

— Если дует сейчас хозолом, можем слезаться...

И в ту же минуту авростат погна на свивение. Он спускался все быстрее и быстрее...

— Србсываю последний, — крикнул Сиделов и выспала двадцать пять мешков баласта.

Падение замедлилось на несколько мгновений...

М. Розенфельд беседует с Героем Советского союза М. Славенским, возвращающимся с Аляски, на борту «Смолевска».

— Выбрасывай шубы! Раи капиш шиваей!..

Михаил потянул веревку...

Удар о землю был ослабел, но оказался достаточно сильным, чтобы оглушить караванов и перевернуть карозуны.

В это время здоровенный ветер подхватил оболочку, и карозина помчалась с огромной скоростью, волею удивившись за нее людей.

Помните вывалились они на землю. Оказавшись в состоянии, в котором вывалились. Когда же начали вставать, они дернули узлы и стремительно уехали...

Смысл не давал времени на печальное раздумье.

— Соберите оболочку! — крикнул он. И первым подошел к распростиранной материи.

Через два часа оболочку собрали. Сильная тьмота обступила путешественников. Дежурить пришлось Розенфельду. Он сидел с револьвером в руках, в неизвестности, среди гулких шорохов. Внезапно услышав тихий гул и вскочил на ноги... Вспомнил о транспортном экипаже, о волжках...

Вспомнил, и Михаил протянул вперед руку с револьвером...

Оказавшись, прицелив караки. Из степи на дальний курор прискакала испуганная всадник и рассказала о паки-то чехлик, упавших на землю. Небольшо кавказ, бывших на войне,

попали, о чем идет речь, и немедленно выехали на место слуха...

В доме учителя отсыпками поаманной приемыш, кое-как починили его и уселивша к себе, о пропасти охладитель с отгадыванием, о пятнадцати спасательных экспедициях...

Только через пять дней добрался Михаил до лютовой станицы Чернышевской и да телеграмму о благополучном исходе словного помета.

Это было первое настоящее испытание журналиста-путешественника. С переживания по нехорошим тропам, по неизведанным краям, которые надо было показать молодым людям нашей страны...

...Особенно сверху оледеневшая Волга. Отряд взрослых быстро летел по гладкому льду. Сани командора шли впереди. Михаил ехал по вторым. Он услышал злое шипение треск, посмотрел вперед и увидел, как пропадал под лед сани командора. Все бросился и ему на помощь. Но командор выбрался сам и, отдувшись, стоя молчаливо, оледеневшей.

Михаил ехал рядом с командором, а водитель Кароль нажал на спорость. Надо было отогреть человека, и Михаил держал его под руку. Сани ехали вперед, к отням горам.

Через несколько минут провалились вторые сани, и Розенфельд упал в

проблону во льду. Голова его очутилась под льдиной, от жуткого холода сердце почти остановилось. Горло славало дурное. Но в эту минуту слышался рзак Кароль славало его за воротник.

— Ну, ну, — сказал Кароль как ни в чем не бывало.— Тут тебе не пляж, кунаться нельзя...

Михаил продолжал путь, но купание не прошло для него бесследно: он заболел острым воспалением легких и вынужден был остаться для лечения в Юрине.

Это было 21 февраля 1929 г., а 21 марта, ровно через месяц после последнего крещения, он уже выехал с академиком Ферманом в пустыню Кара-Куми, в мерзлые и злобные пещеры, в неисследованные безлюдные пространства.

Сначала люди ехали на машинах, но в пещерах пришлось тащить машины на себе. Распавшийся весок засыпала колеса, перемешивая усадебные люди. Командам чужие мысли сансудку и выкачавшая из него дурость через быркины.

Они подвигались вперед с удручающей медленностью, ныряя от усталости и жажды. В день людям извлеклось мифическое количество воды: все водные запасы поглощали машины.

Но люди шли вперед, и всякой цели, и из одной жажды нельзя было услышать от них. Михаил находился в себе сами острым:

— Я не хочу явсу, налейте мне стакан морсу!

Ночью к лагерю путешественников приходил зверь, и по утрам на чистом песке были чреды мифических или слалей емей, черные, гигантских языри — паразиты.

Экспедиция академика Фермана позволялась с бытом людей пустыни на пленении жуки. И наконец, в центре мертвых пещер, в городе Деу-Бенте увидя Михаил культурный светский оазис, с кооперативом, больницей, с новыми домами...

Экспедиция продолжала свой путь. Ей пришлось пережить несчастье ботум, когда пустыня впадалась точно штурмовое море.

И наконец, приеха к серному заводу. Командор пробога Богучевский заявлял:

— Путь сложный. Надо будет найти кой-какие обходы, завресте кое-где ботум, и серу — вад Кара-Куми — можно будет вывозить и Ашгабад.

И снова пустыня, вербалда, жагда, гинная вода, бесконечные утлые пески...

После Кара-Куми Михаил служил в Красной армии и получил награду за отличную службу.

Осенью 1929 г. он отправился в новую поездку с новыми силами, с острым желанием узнать неизведанное и рассказать о нем на страницах «Комсомольской правды».

Тогда начиналась разработка алта в Хибиинских тундрах. Геолог Щербakov, соратник академика Фермана по прежним экспедициям, отправился в сопровождении следователя Розенфельда к горе Кузнецкомуур.

Дорог не было. Незрелая топь, снег, водопоя, маршине уцелья и после огромных митарств — крошечный рабочий лагерь у просялованной горы. В то время здесь работало всего 20 человек.

Незрелото смелам, почти несбыточным казался проект больших работ в этом заброшенном и диком краю.

Слусть два года Михаил уезжал в местопоможение кинотеатру, лыжному горю Кузнецкомуур. Годом эта года напоминала ему места, виденные им

когда-то... Тысячи людей двигались здесь по ровным участкам, звуковой инвентар вносился над рабочим поселком, студенты техникума пали с новыми и рыхшими...

Отец Розенфельда о Хибиин выехал сотни вывезенной о медальки ехал на работу в суворый край. После Хиби Михаил Розенфельд срочно выехал на Дальний Восток.

Михаил попал в самый центр острых событий на КВЖД.

В 1930 г. он отправился в Монголию. С большими трудностями и предостережениями добрался он до гурвизи. Самым трудным оказалось в это время, и только большой удачей можно было считать то, что Михаил достав место в машине, наудей в Улан-Батор. За это он объяв был возмощено водителем.

Перехват границу, он попал в дурной мир, в дурной януку, в монгольском город «Золотой алач», в тринадцатый праздник «Надаль», 20 тысяч человек, от древних стариков до младенцев, участвовали в этом празднике. Головные уборы, парки, ламы, мышеловы раскрасили, яростные голки на конях — все это поразало Михаила.

В Улан-Батор он приехал в воскресенье, в полуденное время дасуриной.

— Приходите завтра, — сказала он. — Вы откуда?

— Из «Комсомольской правды», Розенфельд...

— Это который Кара-Куми... Очень рад... Куда же вы, будете много тоstem.

Через несколько дней Михаил выехал в дальнее путешествие по Монголии со старым монгольским профессором Яндарманом. Профессор интересовался древними монастырями, надписями времен Чингисхана, джемми, в которые когда-то заговаривали преступников. Вместе с ним Михаил побывал в буддийских монастырях, у столетних буддийских лам, проник и тайные тайны тибетской медицины, поинимался к ледяным вершинам, подала в душе пустыни. На заре они прославились своим плавателем отврева барсов и кламота горных орлов.

Таскер автимож пересекать путь машины, ждалась с ней наперекосу.

Одним из, когда путешественники развлекли ночью костра, поставленного шумящие, и со всех сторон пополам, приключенные светом и звуком жареной автиможи, идущие в зенит.

В самых отдаленных углах страны Михаил встречал религиозные и верты нового бытия. Ребята, у которых приехал московский космополет, устраивали митинги, на которых Михаил рассказывал о СССР, о Москве, о «Комсомольской правде».

Долгуеминский срок путешествия сократил и вомшу. Надо было выехать в Кобуд. Профессор Яндарман медлял, и Михаил выехал со скунцином шерсти...

Оричательные миражи возникали перед ними. Горы и озера урвалились безжизненные пески. Автомобиль ехал к этим озерам, но, мираж исчезал и снова — мертвые пески.

Один раз извлеклась показавшаяся прекрасное озеро. Из медяных горудель пыльным вывезен, они проехали мимо и только впоследствии узнали, что это было настоящее пресное озеро...

Михаил возвращался в Москву и начал разрабатывать огромное количество материалов, привезенных из Монголии. Они порождались, что делало «Малеини» отправлялись на Землю Франца-Иосифа, чтобы

М. Розенфельд в иракунской пустыне.

ИЛЬЯ ЗРЕНБУРГ БЕСЕДУЕТ С МОЛОДЫМИ ПИСАТЕЛЯМИ

И. Зренбург

Назначение с'езда советских писателей состоялось встреча Илья Зренбурга с молодыми писателями, членами объединения «Смелый», «Молодого большевика», «Роста» и др. И. Зренбург рассказывал о своей работе над «Днем вторым» и высказывал ряд своих соображений о советской литературе. При всей спорности отдельных положений, высказанных автором, беседа представляет с литературоведческой точки зрения безусловный интерес, раскрывая лабораторию творчества одного из виднейших наших советских писателей.

Нико мы печатаем наиболее любимыми, и с нашей точки зрения, наиболее ценные для молодых писателей статьи из стенограммы этой беседы.

Вопрос. Как вы работали над «Днем вторым»?

Зренбург. «День второй» был написан таким образом. Я пролежал в Союзе около трех месяцев, стараясь встретиться с наибольшим количеством людей. Я знаю, что разговор с одним человеком всегда плодотворнее чем с двумя, а с двумя — плодотворнее чем с пятью. Но для экономии времени мне приходилось устраивать собеседования с группами людей.

В центре внимания у меня была исключительно молодежь. Сначала они спрашивали меня о здоровье, затем я задавала им вопросы.

Я старалась перевести разговор на личное, потому что здесь всегда меньше штампов и человек больше проявляет себя.

Эти беседы часто стенографировались, а иногда, видя людей, и записывала наиболее интересное.

С другой стороны, был материал, который дали мне главным образом узураторы. В Томске я получила много анонимных и личных писем. Когда я собирала, что буду писать о молодежи, то человек 5—6 узураторов проявили ко мне большое уважение и я сам себе дополнила.

Все посидела в Сибири занята три недели. У меня по опыту выработалось правило: в одном месте быть либо короткое время либо долгое. Когда долго сидишь на одном месте, то изо дня в день глубоко изучишь то, с чем сталкиваешься. Если же проведешь на месте короткое время, то впечатления получаются очень острые. Можно быть в одном и том же месте или недалеко там годы. Месяц пребывания где-либо — это для меня самый удобный срок.

Когда я разбиралась во всем материале, во всем впечатлении, которое получила, у меня вычленились те типы, которые впоследствии были изображены в романе.

Вопрос. Скажите: реальны ли те узураторы, которые изображены в романе, в частности Володя?

Зренбург. Я никогда не встречал Володю и у меня были движения несколько Володей. Я не избирала никого предельно. Я не думала об определенном типе, существующем человеке. Из впечатлений от ряда лиц у меня складывалась такая группа.

То же относится и к другим людям. Они даны синтетически и проанализованы. Может быть, в романе захватены двадцать фраз, в основу которых легли выдержки из рассказов людей или из дискуссионных. Все остальное — результат изучения этих материалов. Например писем. Баря и Глоткову представляют в измененном виде настоящие письма, где речь также шла об оборотах.

Вопрос. Вы изучали жизнь узураторов, но в вашем произведении есть ряд других персонажей!

Зренбург. Дневники рабочих у меня не было. Был только стенограмма разговоров с ними. В этот период мне удалось поплавать и работать дневники, очень интересные.

Вопрос. Загрязнен ли поддерживаете связь с Союзом. Получаете ли вы личные письма из

Союза, которые дергают вас в курсе игнорных настроений отдельных лиц, или каждый раз приходится узнаывать новое знакомства?

Зренбург. Литературный материал у меня каждый раз новый, потому что этих людей я терплю. С некоторыми я поддерживаю переписку. Но часто переписка ведется уже в порядке личного. Корреспондент не может мне дать что-то новое, ибо движение его души меня как писателя не интересует, но интересует как человека.

У меня был знакомый Володя, с которым я поддерживала связь, но он уже меня не интересовал как писателя. Мне интересуют эти Володы в рабочей среде, а не в той среде, в которой я узнал его впервые.

Вопрос. Какую среду в нашей стране вы лучше всего знаете?

Зренбург. К сожалению, и лучше всего знаю среду писателей, которая меньше всего меня интересует.

Вопрос. А крестьянство?

Зренбург. Почти совершенно не знаю и не желаю бы писать о нем.

Вопрос. А ведь в «Дне втором» у вас есть персонаж, связанный с крестьянством?

Зренбург. Это люди, которые уже подверглись воздействию города, индустрии. Я бы не решилась поехать в колхоз или совхоз и написать не только роман, но и повесть о крестьянском жилище.

Вопрос. Вы писали о Карагаиде. Вы там были?

Зренбург. Однажды в поездке я встретился с человеком, который мне рассказал о Карагаиде. И это было очень похоже на правду.

Надо сказать, что я был в Борниках, и некоторые черты того, что видел в Борниках, я вставил в роман о Карагасе.

Я не понимаю, как можно писать только об определенном заводе. Мой роман — собирательная вещь. Меня больше всего интересует люди.

Вопрос. Изучали ли вы технику строительства, когда писали «День второй»?

Зренбург. Я не считал это нужным. Я считал потерянным то время, которое уходило только на это. Поскольку люди, которые познавали мир строительством, жили этой жизнью, то я все это смотрю, но мне было интересно, как они об этом говорят, а не то, что они говорили. Сама по себе металлургия меня не интересует. Она интересует меня в той степени, в какой меня как рядового читателя интересует ряд других элементов жизни.

Вопрос. Как же они вам говорили?

Зренбург. Они говорили с любовью, с восторгом, с интересом, и мне казалось было, какую роль это играет в их жизни. А то, как применяется тот или другой метод плавки чугуна, меня не интересовало. Я об этом знал до того, как попал на металлургический завод. Но я бы не выдержала длительного знакомства по этому вопросу. Я бы, наверное, сама какую-нибудь грубую ошибку.

Если есть в моих возмущениях, то я даю на проверку то, что пишу о технике, специальности,

чтобы не было тех лягушек, которые неприятны человеку, знакомому с этим вопросом.

Вопрос. Но ведь для того, чтобы быть подлинным культурным писателем, надо знать чем занимаются тракторы — бензином или керосином. Как бы вы хорошо из написали книгу, но вам никогда не простят какой-нибудь технической безграмотности.

Зренбург. Вы выали грубый пример. А что, во-вашему, страннее для писателя: если он напишет иначе о домех, чем они выглядят, или выставляет парня с дельфиной изажиме неизвестных событий говорить о том, о чем никогда в такую минуту не говорит? Вам читатель это простит? Что страннее: ошибки, касающиеся производства или людей?

Если писатель показывает человеческие отношения неправо, то это уже не писатель.

Вопрос. Значит вопрос о технике вы рассматриваете в последнюю очередь?

Зренбург. Я написала несколько производственных книг: «10 лошадиных сил», «Дабрица слез» — и большое количество очерков, касающихся производства. И мне интересно современную жизнь и технику. Но если я спорю с вами, то это потому, что в нашей тенденции и частую ошибку. Если бы я говорила с молодым французским писателем, то я бы говорила так же как и вы, потому что там необходимо было противопоставить лучшее производству. Но у нас в литературе была такая предрасположенность и такое патристическое неумение и отсутствие интереса к человеку, что сейчас надо говорить об этом.

Одни из товарищей сказали мне, что для него важна в жизни личность человека. Вот это правильно! Если производственный процесс был бы устроен, если бы мы жили в другой стране, в нашей стране надо проповедовать и фантастику, и лирику, и человечество, чтобы сделать человека непохожим на флюс, а похожим на человека.

Вопрос. Что вас больше увлекает в работе — роман или очерк?

Зренбург. Больше всего меня увлекает роман, потому что я люблю писать большие вещи. Очерки я никогда пишу не пишу. Я пишу их в разное время. Материал дает почти исключительно путешествия.

Когда я возвращаюсь из поездки, то пишу очерки, и пишу их быстрее чем роман.

Вопрос. Как вы писали об Испании? Как вы изучили Испанию от испанцев?

Зренбург. Во-первых, я немного знаю испанский язык. Еще до поездки в Испанию я умела читать, но испанцы не умею. К концу путешествия по Испании я уже научилась разговаривать по-испански. Кроме того интеллектуально в Испании я посетил французского философа. С разговорами я разговаривала по-испански, правда, на ужасном языке, но все-таки могу обясниться с ними.

Поездка в Мадрид, я познакомилась там с разными людьми и выбрала от них много писем с разными видами людей в провинции. Я просила давать письма разным людям: испанцам, французам, англичанам, официальным письмам, и т. д. На каждый город у меня было десять писем.

Приезжа в город, я начинала ходить с писателями к тем, кому они были адресованы.

Надо сказать, что испания — очень гостеприимный народ. Весть о том, что пришла русская, погнала весь город. Люди и хотели рассуждать о своей жизни, меня же обязательно европеизм не делал. Испанцев можно спровоцировать на исповедь. За визном они рассуждали обо всем. Я не верю, конечно, и тому, что они говорили, но это было проницатель, и проверка эта была очень сложным и трудным делом. Но в смысле психологическом эти рассказы за бутылкой вина всегда давали очень богатый материал.

Я считаю, что огромное значение для писателя имеет умение спровоцировать с людьми, умение вызвать доверие человека, с которым ты беседуешь, и спровоцировать его на тот разговор, который интересен не писателю, а говорящему, потому что только такой разговор и может быть интересен и для писателя. Писатель подходит, например, к человеку и решает, что этот человек много рассказывать интересного, скажем, об ужасе семейной жизни, а тот оказывается лояльнейшим и по-настоящему провалял себе только тогда, когда разговор касается лошадей. Если ему ни будет говорить о другом, то это будет сухо и неинтересно.

Суметь вызвать человека на душевный разговор, суметь уловить основную тему этого человека крайне важно для писателя.

Надо знать, что у нас люди примерно в течение часа после начала беседы не говорят своим языком. И в течение часа добываются, чтобы человек сбросил заученные, готовые фразы и начал говорить то, о чем он думает и что его действительно интересует.

Вопрос. С какими трудностями вы встречались, когда ездили в Вену?

Эренбург. Я в своих очерках писал об этих трудностях. Я привлек к ним. В Австрию меня на границе сразу же арестовали, и вся Австрия от начала до конца прошла перед моими глазами под знаком коммунизма.

Вопрос. У нас портятся отношения с теми странами, где вы бываете?

Эренбург. Да, потому что настало утопано и надо перебраться в другую страну.

Вопрос. Хотите ли вы писать очерки о Советском союзе?

Эренбург. Я сейчас хочу писать роман. Я пишу очерки о том, за что я могу смотреть со стороны.

Я не могу писать очерков о Советском союзе, так как я это воспринимаю в другом масштабе: то, меня глубоко интересует, становится важным моментом для романа, и этот момент у меня углубляется.

Вопрос. Когда вы писали посломскую вещь, перед вами вставали новые трудности, которых вы не испытывали раньше?

Эренбург. Каждый раз передо мной встают огромные трудности. В работе над «Днем вторым» была трудность в смысле количества лиц, были также и психологические трудности.

Я старался как можно меньше давать интриги. С интригой дело обстоит так. В старой русской литературе было много разоблачений интриги. И когда в первых своих вещах я очень налегала на интригу, то это считали признаком бульварного романа.

Теперь у нас страшно тяготеют к интриге, потому что рабочий читатель очень интересуется интригами, интригами действия в романе. Мне всегда без интриги давалось труднее чем с интригой.

Вопрос. Меня интересует техника вашей работы.

Эренбург. Я сам печатаю на машинке. То, что пишу, и затем сильно меняю. Не бываю почти ни одной фразы, заведку которой бы не было написано рукой. Потом я снова переписываю на машинке второй раз. Я это делал до тех пор, пока не переключу к следующей главе. Потом я опять печатаю. Затем даю переписать машинистке и после этого еще раз печатаю.

Я никогда не беру авторской корректуры. У меня нет привычки править гранки, потому что я левша и загрохочу и никогда не держала корректуру. Благодаря этому у меня выработалась привычка слывать рукописи в готовую книгу. Печу я четыре часа в день, не больше. Чаще всего пишу по утрам.

Когда я пишу, я ничем другим заниматься не могу. Когда пишу роман, я в трудном раз в три-четыре недели отменяю на писателя, и неспособен в это время писать газетные статьи, и когда меня заставляют это делать, чувствую себя севернее. Прервать работу над книгой я не могу, ибо тогда я перестаю ее писать.

Вопрос. Бабель рассказывал, что вы любите писать в кафе. Верно ли это?

Эренбург. Я жил в Париже до революции. У меня была автопослания комната. Во Франции принято писать в кафе. Можно пойти в кафе и пить весь день. Я стал писать в кафе и привык к работе. И когда у меня была уже теплая комната, я почувствовал, что не могу писать в этом месте чем в кафе.

Но после войны кафе сильно изменились. Они стали более шумными. В кафе начинали ходить люди, знающие меня. Они подходили ко мне и заводили разговор. А это мне очень мешало.

К тому же я перестал разбирать свой очерк. Мне приходилось разбирать написанное в этот же день, ибо на следующий я уже ничего не мог понять.

Я решил, что надо писать за машинку, а принести машинку в кафе неудобно. Тогда, скрепя сердце, я решил писать дома.

Первые две недели было очень трудно. Потом я привык, потому что у меня в комнате страшный шум. Я живу на улице, по которой беспрерывно проезжают грузовики, и в нижнем этаже все трясется. Этот грохот позволяет мне писать, потому что я не слышу того, что делается вокруг. Этим грохотом и пользуются от мира. К тому же я в Париже не так как в других городах развато «даское изобретение», именуемое телефоном, и я могу писать спокойно. Утром по телефону не звонит и вообще никто не прерывает без предупреждения.

Самое маленькое я пишу в 4 часа 4 страниц на машинке, самое большое — 10 страниц. В моем

Роман я пишу три месяца в год. Надо учесть 2—3 месяца, которые перед этим уходит на подготовку. Так что я работаю над романом полгода. Второе полугодие я пишу статьи и очерки.

Раньше я писал еще быстрее, потому что у меня было больше заготовленного материала.

«Хуано Хуренисто» я писал 29 дней, работая с утра до вечера.

Другие романы я писал шесть недель, два месяца.

«День второй» я писал около трех месяцев.

Должен сказать, что в какой-то момент работам страшно надоедает писать. Когда начинаешь писать, втягиваешься. Начало кажется трудным. Потом легче. Середина книги очень интригосодержательна. Затем наступает спад и снова интрига, когда видишь конец книги. Приблизительно эти триста страниц вырабатывает собой много случайных моментов. Раздражают герои, записки, что они делают одна и те же вещи.

Вопрос. Как вы отдыхаете?

Эренбург. Я в это период ничего не читаю, а если и читаю, то такие вещи, которые далеки от того, что пишу. Другими словами, я не читаю романов.

Отдыхать в буквальном смысле слова не удается. В первые дни, когда кончилась работа, я очень радуюсь, ничего не делаю. Потом овладевает, что надо написать большое количество статей, но это работа не требует того валаса чувств, которые требовались для работы над книгой. Поэтому и отдыхать.

Вопрос. Какие советские журналы вы читаете?

Эренбург. Те, которые мне присылают. Одно время я получал «Красную звезду». Читал «Литературный современник», иногда «Новый мир» и другие.

Вопрос. Что вы можете сказать о нашей советской периодической прессе, сравнивая ее с зарубежной?

Эренбург. Во Франции нет такого типа прессы, как у нас. У нас мы видим талоские толстые русские дореволюционные журналы. Во Франции таких журналов нет. Они все гораздо тоньше и носят чисто литературный характер. В них нет публицистики.

Вопрос. Существует ли во Франции обычай писать большие вещи в журналах?

Эренбург. Очень большая часть романов, которые вывозят отдельными изданиями, пропущены сначала через журналы.

Вопрос. Надо научить человека, прежде чем написать?

Эренбург. Да, надо знать, что писателю прежде всего интересен человек.

Вопрос. Какое впечатление на вас производит Бабель? Какие его вещи вам нравятся?

Эренбург. Мне нравится его рассказ «Нерты». Затем я очень люблю «Историю моей гублатии».

Вопрос. А «Улица Давида»?

Эренбург. Мне нравится все то, что написал Бабель, но эта вещь мне не нравится, потому что здесь описан Париж. Здесь, мне кажется, Бабель менее силен, чем когда он описывает русских на еврейских людей.

НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Мраморные колонны украшены портретами великих мастеров литературы — Гете, Мольера, Эсхила.

МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ НА С'ЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ. Слева направо: Л. Первомайский, В. Гусев, Л. Наскин, А. Александрович, П. Железнов.

Вопрос. Как вы относитесь к тесной советской литературе, которую возглавляет Олеша? Действительно ли молодая писательница находится под его влиянием?

Эренбург. Олеша — чрезвычайно талантливый человек, но не думаю, чтобы он мог создать школу. Это — индивидуальное дело.

Вопрос. Какую из своих книг вы больше всего любите?

Эренбург. Больше всего я люблю последнюю книгу, Предпочитаю «День второй». Я ее люблю и потому, что «Трубы коммунара», «К «Ляпис-Лет» и меня действительно отталкивают. Иногда мне кажется, что там есть достоинство. «Хуано Хуренито» я люблю потому, что я люблю все веселое.

Вопрос. Когда вы писали «Трубу коммунара», вы изучали Коммузу?

Эренбург. Коммузы я интересовался до этого, но никогда серьезно Коммузу не изучал. У меня есть историческая книга, отрывки из нее были напечатаны в «Красной юности», называется она «Заговор рабства». Здесь я материал серьезно изучал по архивам.

Вопрос. О чем пишут французские поэты?

Эренбург. Во Франции страшной упадок поэзии. 10—12 лет назад поэзия была очень хороша, и ее очень интересовались. С 1918 по 1923 год — это период, когда поэзия интересовалась, а теперь странной силой интереса к поэзии. Молодежь слабо интересуется стихами, и стало меньше хороших поэтов.

У нас больше интереса к поэзии и больше поэтов чем во Франции. Во Франции больше ходят романы.

Вопрос. Сюжетные или бессюжетные?

Эренбург. Иногда бессюжетные, но Франция каждый день выходит в среднем по три романа.

Вопрос. Маяковский не переведен на французский язык?

Эренбург. Было 2—3 перевода, но Франция не переводит переводов поэзии. Там переводят поэзию прозой. Поэзию переводят прозой. Считается, что лучше познакомиться с рифмой и размером чем образами. Эта точка зрения имеет свое оправдание, потому что, для того чтобы перевести стихи, надо иметь переводческую поэту, разного поэту, написанному стихам, а иначе получаются плохие стихи, и лучше бы это была проза.

Вопрос. Кто из писателей во Франции пользуется таким авторитетом, как например у нас Горький?

Эренбург. У нас и писателю подход как к учебнику жизни, у них подход чисто литературный.

Крупной фигурой прозы Андре Жюль.

МАША И КОЛОДЕЦ ПОЭТОВ

Аннотация журнала «Смена»

Мы должны выучиться понимать труд наш творчество. Творчество — понятие, которым мы, литераторы, пользуемся слишком часто, едва ли имея на это право. Творчество — это та степень напряжения работы памяти, когда быстрая ее работы изhardtывают факты, картин, детали и выдают их в наиболее точные, яркие, обобщительные слова. Молодая наша литература не может похвастаться этим качеством (из доклада А. М. Горького на Первом съезде советских писателей).

Михаил Голодный (Москва)

«Благо время, когда я был погребен под бесчисленными томами классической литературы. Это относится к 1922—1923 гг., когда я впервыеazole напряженных дней гражданской войны и разлуки получил возможность работать над собой. Я не вынул ни одной книги, а штурмовал ее. За последние годы я ознакомился с русской и западной литературой, много прочел эзаво, Селинса, перичитывал Бальзака и Флобера. Занимаюсь английской работой. Работая над Ленинем,

Еще и до сих пор я не исчерпал в своем творчестве богатейшего материала периода гражданской войны и только сейчас по-настоящему подхожу к его осознанию.

Изучение Ленина и истории партии поможет мне по-новому осмыслить весь свой предшлудный опыт в борьбе, и весь материал, который накопился как богатство в свет гигантского проектора, приобретающего резкие и отчетливые контуры.

Конечно, я стараюсь овладеть и материалом последних дней нашей борьбы. Я бывал на Секторском, Динстротском, в Белоруссии, Закарпатье. Выписывал и регулировал читательскую «Большую инвентаризацию» неизданных связей со своими товарищами, работавшими в других областях культуры и науки, использовал их как своеобразные аккумуляторы знаний. И все-таки, когда начинаешь читать, я стараюсь выдвигать вперед, выдвигать, что еще очень и очень многого тебе не хватает. Я думаю, что прошедший с'езд будет стартом для последующей работы над полнотой культурного опыта нашего поколения и созданием настоящей деловой, производственной атмосферы в нем».

Дюнк Алтаузен (Москва)

«Мне кажется, что рост культуры писателя и расширение его кругозора невозможно без большого и глубокого знания нашей страны. И одной книжкой, забывающей работой здесь и там, невозможно овладеть и мало писал, но эта небольшая переписка была необходима, чтобы оглядеться назад: подвести итоги какому-то пройденному пути и наметить новый. Темой моей ближайшей работы будет Далекий Восток, куда мы выезжаем с Давыдовым на несколько месяцев. Сейчас я работаю над изучением материалов о Дальнем Востоке».

В отделе от поэтов XIX и начала XX в. я им почти не владею иностранными языками, знание которых является необходимым элементом культуры писателя. Язык ближайшей книги, и сейчас работаю над ним, чтобы овладеть им в совершенстве.

В области современной науки я поставил себе ближайшей задачей изучение работ по распределению атомного ядра, проблемам сверхкороткого транспорта и работ Сперанского о нервной трансформации.

Проникнув дискуссия о языке почти не касалась нашей поэзии, а здесь акронизмы и выходящая выразительность словесной формы приобретают особенно значение. Нам необходима широкая дискуссия по этому вопросу, иначе мы никогда не будем иметь веритера мастераства».

Борис Корнилов (Ленинград)

«Меня интересует создание больших вещей — поэм. А создание большого стихотворного полотна требует от писателя большой культуры вообще

Редакция нашего журнала провела ряд бесед с молодыми поэтами нашей страны. Ниже мы приводим запись этих бесед.

Ираклий Абашидзе (Грузия)

«Будучи поэтом и комсомольцем, я хотел бы в своих стихах сочетать политическую ответственность с большим мастерством. Может быть, именно поэтому я особенно пристально приглядываюсь к творчеству таких поэтов, как Рыцарев и Селинса, Некрасов и Гейне. В прошлом году с группой стихов товарищей-писателей я читательно проштудировал всего Гейне и Селинса. К сожалению, не читал богатейший материал для применения именно этого жанра.

Очищая литературный вкус, я с легким сердцем плещу отсюда, всякая заимствование подражания. Но прочитав несколько лет, я понял, что запас моих знаний все же недостаточен, и сейчас работаю аспиратом по фольклору и поэтике. Мой последней работой по философии была научная статья Гегеля. Я сознательно уделяю большое внимание этому философу, так как его учение сыграло большую роль в создании марксистской теории развития общества. Мне кажется, что и достаточно знаком с классической литературой России, Франции и Англии. Значительно хуже знаком с точными науками и естествознанием».

Петрус Габю (Белорусия)

«Смы христианства, я был далек от всякой культуры. Мне все приходило начинать с азбуки. По окончании университета я стараюсь не прекращать свою учебу. Много читал. За последние 3—4 года я прочел Бальзака, Золя, Достоевского, Толстого, и т. д. Служу за всеми новизнами русской литературы и особенно поэзии. С реимпортной литературой Запада и Востока приходится знакомиться главным образом по журналу «Интернациональная литература», так как переводов у нас мало. Этого, конечно, недостаточно. Больше трудно сделать в мировой литературе. Я особенно интересуюсь поэзией, творчеством польским, чешским, украинским, с литературой и жизнью этих стран я знаком значительно лучше. Если раньше я был просто читателем, то сейчас я уже работаю с нейшей: продумываю систему образов и развитие в них идеи вещи, делая для себя выписки.

За последние время прочел мемуары Кова, «Летопись и искусство» Аунершера, творческие переписка «Материалом и эмпирицизмом» Ленина и ознакомился с теорией отшельничества Эйнштейна... Страна разрешает массу разнообразных и интересных проблем подвизания искусства. Мы особенно интересуемся проблемами культуры Динера. Я выметал на будущий год поездку с Академией наук на Динер. В прошлом году провел несколько месяцев в колхозе, в этом — был в совхозе. Без какой-либо потребности туризмом, творчеством, общение с научными дисциплинами. У меня большой пробег в естествознании.

Работаю с молодыми писателями, особенно остро чувствую необходимость формирования самостоятельной культуры, без которой любой талант дает очень незначительный процент полезного использования. Старшее все время находится в состоянии культурной борьбы, но должно сдаться, что организационной системы в этом направлении у нас нет. Мешает еще и всякая организационная сетчатка, отнимающая много времени».

ТОВАРИЩАМ

и знания технологий своего мастерства в частности. Я как и многие из моих поэтических сверстников, пришла в литературу, не имея даже среднего образования. Нам поэтому приходится особенно много работать над собой. Но в этой работе у нас нет недостатка продуманной системы. Большинство из нас работает рынками. Мы накопим знания по каждому отдельному случаю, когда к этому приступают нас сами же созданные герои.

Я работаю над колоковой песней, и материалом мне служат мои же родная деревня, люди, которые были знакомы мне в прошлом. Я хочу разгадать в этих людях рождение новой человечности как качества, выходящего революцией. Может быть, это больше, но утренние страницы газет мне сейчас так же необходимо как чай, как чистка зубов.

Делая песню, я сейчас знакомлюсь с культурой театра. Много дала и общение с такими крупнейшими и крупнейшим мастером, как Мейерхольд. Часто ощущаю я недостаток какой-то другой профессии, кроме писательской, которая позволяла бы мне войти в соприкосновение с жизнью страны всеми теми-то именами писателя. Доктор Чехов стал заменять как писателем, но его профессия сыграла также немалую роль.

Стремясь к максимальному суровой простоте и максимальной ясности, я учусь главным образом у Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гете и Гейне. Занимаюсь немецким языком.

Если я еще могу говорить о явлении какой-то культуры в области литературы и технологического искусства, то вопрос современной науки и техники до сих пор почти выпалла из сферы моей работы над собой.

Людмила Первомайская (Украина)

«Мой отец был переплетчиком, и книга с детства была моей любимой вещью. Маленькой девочкой много читала. Увидя из дому, я несколько лет не видела книги, и моим чтением было только чтение политические брошюры. Начиная писать, я не задумывалась над сложностью этого процесса. Это была какой-то стихийный напор материала, требующий бумаги. И только в 1926 г., когда вышла книга моих рассказов и в возрасте писателю стали развиваться со мной за руку, я впервые обнаружила свою культурную бедность и установила ее. Я начала с Горького и притащала в свой подвал 16 томов его сочинений. Мне пришлось заново переписать классиков, знакомых мне еще с детства, К Пушкина, Лермонтова и Некрасова, и добавила символистское и революционное поэзию.

Знакомство с мировой, классической литературой было, конечно, легче чем с современной. Установившая литература прошлого позволяла быстро ориентироваться в ней и найти необходимое. Сейчас, хотя и стараюсь следить за всеми новинками современной литературы, много, например, не попадает в сферу моего внимания.

Каждый писатель, по-моему, должен использовать запас своих знаний, чтобы передать его другим. Зная немецкий язык, я слала ряд переводов Бекера, Демая, Лехтенштейна.

Сейчас переписку «беру» Гейне. Это позволяет пользоваться заслуженным вниманием нашей молодежи. Мы мало знаем братскую литературу народов Союза. Мне кажется, что выдвигать нас обязан знакомство своего читателя со всем богатством нашей литературы. И я поставила перед собой эту задачу. Я перевела на украинский язык Шарова, Алексиндровича и эстресского поэта Фелера. Работать сейчас над творческим поэтом Петри и думаю начать работу над грузинским поэтом Лордздианидзе.

Очень много дала мне изучение исторических работ Маркса и Энгельса. За последние время я проработала «Культурные сине войны» и «48-й год» Энгельса.

Из научных дисциплин меня интересует ангистика. Для понимания артистических работ Марра многое дала мне работа на Памире, где я проводила по поручению ЦК обмен комсомольских клубов.

Сейчас работаю над большим поэтическим романом о человеке, которому 35 лет. Мне прихо-

дит поэтому изучать материал истарта и революционного движения в России.

Редактируя комсомольский журнал «Молодые», где имеется научно-популярный раздел, мне приходится совмещаться с рядом современных научно-технических работ. Но это, конечно, дает только общее и поверхностное представление о них. Большею частью удалось уделить атомной теории, так как я связана с рядом работников нашего Харьковского института.

Работа над стихом, прозой и отчасти публицистикой, я чувствую, что это приводит к наиболее разносторонней, но пока не могу совладать с собой, с своей жалостью и жадным. Я страдаю раскаты и работать над собой, но все-таки чем больше я узнаю, тем очевиднее становится для меня, что еще больше я не знаю.

Все творчество крупнейших мастеров русской литературы,шло под знаком командита личности писателя с окружающим его обществом. На этом конфликте создавались такие произведения, как «Легенды Онегина», «Горе от ума», «Мертвые души». Сейчас свои объяснения, наша литература прошлого не смогла создать образа положительных героев. В то время как в недрах русского капиталистического общества зареяла грозная план пролетариата, когда старшим предпринимателем пролетариата, когда старшим пролетариатом 1905 г., русская поэзия—продукт своего класса—все больше и больше заходила втупик. Мистическая испорченность предреволюционной поэзии—Солотубу, Бальмонту, Мирсковскому, Гиппиусу—палмет утешением. Но вот новый класс пришел к власти. Нам ясна теперь дорога. Книга будущего раскрыта перед нами, освещенная утешением Маркса и Ленина. Изменчив конфликт между писателем и обществом, в котором он живет, исчез в нашей стране. Первый съезд советских писателей — лучшее тому доказательство. Означает ли это, что тем самым снята общественная функция писателя—его роль в формировании нового общества? Конечно, нет. Но для того чтобы сейчас быть инженером этого нового поколения, надо быть достойным этого поколения. И может быть нелегко, за все время истории общества, не предьявлялись к культуре писателя таких повышенных требований как сейчас в нашей стране. А под культурой писателя мы понимаем умение видеть не только внешне текст логики своего мастерства. Чтобы быть достойным эпохи, наш писатель должен уметь глядеть вперед и критически оценивать прошлое человечества. Он должен видеть историю культуры и сложнейший исторический путь, продвигавший нашей страной; процесс рождения фашизма и борьбы братских компартий других стран. Он должен видеть основные пути современной научной мысли в борьбе человечества с природой и росте новых человеческих качества в людях нашей эпохи. Он должен формировать этику и мораль нового, социалистического общества и выражать в корнем сорняки человеческих чувств.

Проведение нами беседы показывают, что молодым писателям надо долго и много работать над собой, чтобы действительно быть трибунами эпохи. Почти все товарищи говорят об отсутствии плана и системы, о больших проблемах в области научных и технических знаний, о глубоком изучении основоположников марксизма. Правда, никто из товарищей не упоминается на достаточном. Но одного беспокойства мало: необходимо напряженнейшая работа и учеба, глубокое изучение нашей многогранной жизни.

- ..Академик разурнет атом —
- всё земля следит за стратостатом —
- судно погружается в пучину —
- летчик оуносится на алыну —
- в кулунах радуваются леха —
- зсело разрезуат аемеха..
- Можно взять еше у моря — волам,
- можно взять в полях — неиного ветра,
- и у неба — явласть снневы,
- и у луга — свежий шум травы:
- яского добра у нас доволно
- на земле — на море — в небе — в недрах..
- Вдоволь дышишь воздухом чудесным,
- и влем, идем — и входим в жизнь
- просторной шириной дорог —
- в жизнь мы входим по тропинкам темным,
- по тропинкам стихотворных строк..
- Хорошо, товарищи поэты,
- в ладу горла несью выдувать!
- Ну, у много ли гектаров мы испахали?
- Много ль астал мы агартовали?
- Так за что же добро нам выдавать:
- землю — море — недра — снегу —
- и спрошу у вас, товарищи поэты!..
- Вышло солнце как-то в октябре.
- Это было рано. На заре.
- Молодые — мы уже успели:
- Сердцеazole солнышка нагрели..
- Так мы солнцу воздали сторицей —
- пусть оно в стихах у нас струится,
- пусть оно всходит над страной
- каждой новой сделанной строкой!
- Так над нет, товарищи поэты!.

НА СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

Слева направо: Арагон, Поэнер, Певдани (ИТР Метрострой), Вайскопф, Ретлер.

НОВЫЙ ГУЛЛИВЕР

ПЕРВЫЙ БОЛЬШОЙ ОБЪЕМНО-МУЛЬТИПЛИКАЦИОННЫЙ ФИЛЬМ

Фантастический роман «Путешествие Гулливера» английского писателя Джонатана Свифта принадлежит к числу любимых книг человечества. И советская кинематография в поисках значительного сюжета обратила свое внимание именно на «Гулливера».

Замысловатая внешняя завязка приключений свифтовского героя в Лилипутии, сценариста Г. Рошала и А. Птушко исследовали на ней совершенно новую, самостоятельную сюжет. Особый интерес фильма в том, что он является не вторым в этом же роде, а снимается по методу объемной мультипликации.

Фильм такого рода — большая редкость не только в Советском союзе, но и за рубежом. Наши зрители почти не знают своеобразного искусства объемной мультипликации, где действующие лица не изображены, а сделаны в виде кукол. В «Новом Гулливере» наряду с куклами выступают и живые люди — советские пионеры. «Новый Гулливер» снимается сейчас на мультипликационной фабрике Московского кинокомбината.

Действие его начинается в Крыму, в пионерском лагере «Артек». Юный осоловев, пионер Петя, читая роман Д. Свифта, вымышленно переживает приключения Гулливера, ставя себя на его место. Незаметно Петя засыпает. Ему снится буря на море. На приоткрытом корабле Петя-Гулливер встает за паравала и геройски борется с пиратами. Корабль взрывается, и волны выбрасывают Петю на берег Лилипутии. Король и парламент этой страны много рассуждают, что им сделать с огромным великаном, которого им принесла морская волна: убить или использовать его как рабочую силу? Но что, если этот титан станет на сторону рабочих, загнанных в Лилипутии под землю, в мрачные пещеры города?

Заводы в Лилипутии, оборудованные по последнему слову техники, находятся глубоко под землей. Петя дает большую порцию сонного порошка, связывает и перевозит в столицу. Во сне Петя приволакуло перемишляется средневековые и современная техника и Лилипутию, которую он наблюдает, наделена карикатурными чертами современного капиталистического государства и буржуазного общества.

Но вот спокойствие в Лилипутии нарушается. Рабочие выражаются наверху, на улице города, начинают восставать. К ним присоединяется Петя-Гулливер и уводит королевских войск, отстреливающих повстанцев с моря. Рабочие торжествуют победу и Петя, обманув отрядами милиции в свободной стране Лилипутии... просыпается среди товарищей на берегу Черного моря. К пионерским песням, рассказываемым в «Артеке», он добавляет новые куплеты из песни рабочих, саманных им во сне.

Сама работа по постановке «Нового Гулливера» чрезвычайно увлекательна, необычна и вместе с тем трудна. Мы расскажем о некоторых «секретах» мультипликационной съемки, представляющих несомненный интерес.

В «Новом Гулливере» — картина, необычайной массовыми сценами (перезапа

решона Пети-Гулливера с берега в сторону Лилипутии, парад войск, восставшие и т. д.) участвует около тысяч кукол. Все эти куклы сделаны на механических аппаратах с шариковыми шарнирами, позволяющими режиссеру добиваться любых положений, производя необходимых по ходу действия движения. Кроме того в фильме участвуют и скульптурные кукол, изготовленные из пластилина. Во время съемки все движения куклы, нужное положение головы, рук, туловища, и т. д. — делаются художниками в перерывах между кадрами. Почти все кукол и особенно главные персонажи: король, шеф полиции, министр, придворные, вояки рабочих и др. — наделены индивидуальными чертами, имеют свой характерный облик и обладают выразительной мимикой.

В запале режиссера А. Птушко вместе с целой армией «масок-эмюций», которыми они служат для выражения различных переживаний героев и разных участников его фильма. Для главных персонажей изготовлен значительный большой набор «масок-эмюций» чем для второстепенных, например у короля Лилипутии имеется до 10 эмюций. Сюда входят воодушевление, радость, любовь, нежность, гнев, ненависть, злоба, возмущение, пиетность, и т. п.

Снимая главных персонажей артистами в плане, режиссер варьирует эмюции-эмюций и добивается нужного эффекта. Участники массовок, снимаемые общим планом издалека, лица эмюций и имеют стандартную, неизменяемую эмюцию.

Итак, в «Новом Гулливере» куклы ходят, бегают, прыгают, маршируют, разговаривают, поют, играют на различных инструментах, заседают в парламенте, работают на заводах, в горах, и т. п.

Как же все это снимается? Как на экране получается полное впечатление «авторства» всего происходящего?

Технические возможности советской кинематографии за последние годы выросли и вполне позволяют поставить большой объемно-мультипликационный фильм с участием почти тысячи кукол. Семья фильма требует кропотливой и тщательной работы режиссера и оператора. Легче всего снимать сцены, где участвуют одно или два лица. Оператор поворачивает камеру раз-другой — и аппарат снимает одно определенное движение кукол.

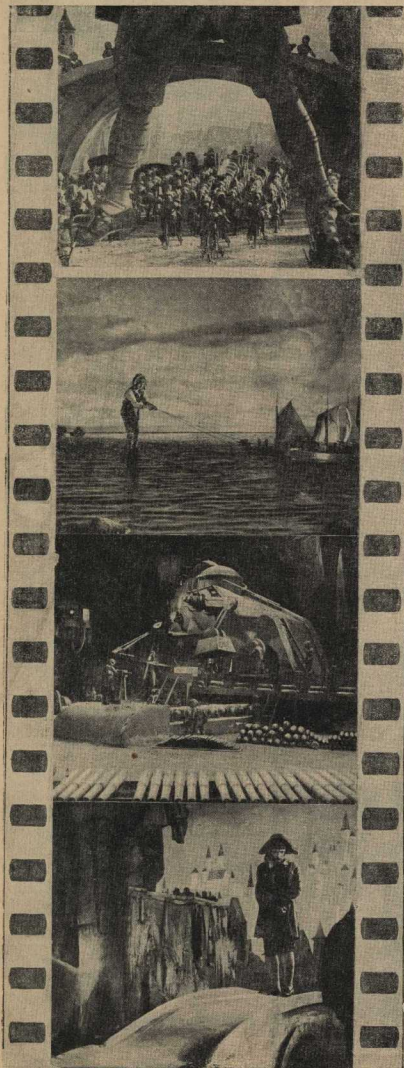
После этого помощник режиссера переставляет куклу в положение следующего движения — и оператор вновь снимает его, а затем путем па одному кадру, записываемому каждым одно движение, и снимается мультипликационный фильм. В этом, собственно, заключается принцип мультипликационной съемки. При проекции на экран зритель в непрерывном движении видит послышаемые, продолжающие одно другое движение куклы.

Часто для съемки какого-либо жеста или движения куклы оператор должен произвести, в зависимости от их сложности, от 50 до 100 повторных ручных киноплотат.

Семка эпизодов с большим коли-

Кадры из фильма «Новый Гулливер» (сверху вниз):

1. Петя-Гулливер наблюдает парад в Лилипутии.
2. Гулливер уходит в флот короля Лилипутии, отстреливавший восставших рабочих.
3. Оружейные заводы в Лилипутии работают круглые сутки.
4. Гулливеру стон королевского замка.

ШИРОНИЕ ЛИСТЬЯ

Лилитупы усыпляют и связывают Гулливера.

чеством кукол производится точно так же способом: путем замещения юзом в каждой кукле. Гораздо труднее и без того кропотливое с юзом юзом сочетать со слайдами живого человека, в данном случае Пети-Гулливера. Здесь на помощь приходит метод комбинированной съемки, когда перед аппаратом живой человек подменяется большой куклой — точной его копией. Слева снимают обрешивку с участием большой куклы, затем ее убирают и крупно снимают юза живой персонаж. В некоторых случаях здесь пользуются и методом транспортной съемки¹, заранее снимая на пленку необходимый фон. Потом на эту же пленку по особому способу дописываются необходимые детали, декорации, действующие лица, и т. д.

В «Новом Гулливере» очень широко применяются также тирюковая съемка, куклы выстраивают на оленя, король бросается с башни, и т. д. Куклам послушны руки режиссера, держащего их за невидимые нитки, как марионетки.

Вообще при съемке «Нового Гулливера» применяются все новейшие достижения мировой кинематографии.

Этюд для «Нового Гулливера» снимается на пленку одновременно с изображением говорящего человека (схроненная съемка). Режиссер и оператор одновременно с движениями рта говорящего человека «делают» движения рта куклы и сопутствующие им жесты. Фонограмма ранее записанного звука затем печатывается на пленку в соответствующие кадры.

Над съемками этой большой и сложной художественной мультипликационной картиной работает коллектив больших мастеров этой дела во главе с режиссером-художником А. Птушко. Снимают картину оператор Н. Ренков и звукооператор Коробов.

К фильму композитор Л. Шварц пишет следившую музыку. Особенный интерес представляет музыка, рисующая Аламутию. Для нее композитору пришлось искать новые иррационально-протесовые краски и звучания. Так, сочетая фантастику с сатирой на современную действительность, советские кинематографы создают большой художественный фильм «Новый Гулливер». Появления этой картины с оживленным нетерпением ждут как советские зрители, так и иностранцы, о чем можно судить по информации зарубежной прессы.

«Новый Гулливер» будет выпущен Московскими кинокомбинатом к 17-й годовщине Октября.

¹ Подробно этот метод описан в нашем журнале № 5, стр. 21.

Шеф полиции лилитупов.

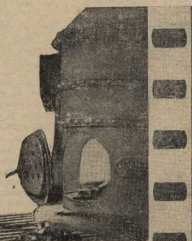
Ярмарка в Лилитупии.

Ярмарка в Лилитупии.

Король, шеф полиции и премьер-министр.

Рабочие в Лилитупии загнаны под землю.

Широние листья дрожали над нами.
Город гудел в полусне.
Клялись хорошими словами
Хотелось говорить мне!
Но перед этими чувствыми глушными,
От которых кружится голова,
Мне казалась грубыми
Все

слова.
Ветер прошел по робким листам,
Солнце, наверное, шло к восходу.
Ты сказал:
«Пора по домам,
Завтра

рано вставать
на работу.
Ты бланная губы неуловимо,
А после,
когда шел домой,
Звонх душой, едва уловимый,
Домля
летса за мной,
Мир, голубым синим званый,
Так чудесен
и так велик.
Мне очень трудно
быть неванитым
Хотя бы
на один
миг.

Щек таким был враздичным, синим.
Станки стояли в солнечной красе.
Сидели начальники,
как именниники,
Вамбленные
и
ласковые.

Мне делани казалась любое задание,
Я смеялся, не знаю над чем.
Я чувствовал
твое дыхание
На своем
плече.

Я. БЕЛИНСКИЙ

ВРЕМЯ

Земля обращается в двадцать четыре
Очень коротких часа.
Будь же скорее своим квартиру
И не опаздывай сам!

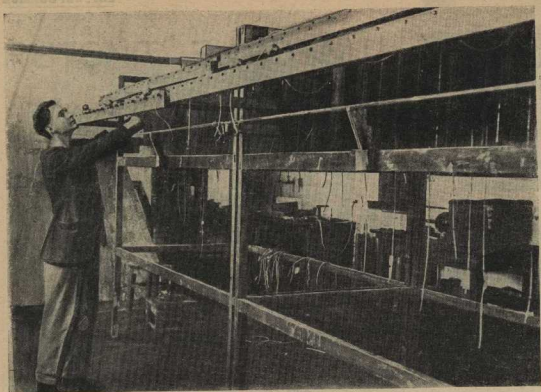
Пока я бегу и остановлю трамвая
И вскакиваю на ходу,
Часы, на всех перекрестках вставая,
Мои минуты врадуют.

Я знаю, что из далекого края,
Не опуская вес,
В четыре глаза за мной наблюдает
Маленький человек.

Он рад, если и опоздаю, помешкаю,
Заведчик лютого огня.
Он тоже торопится в бешеной спешке,
Чтобы меня обогнать.

Его корабли рассекают воду,
Вздвигая крутые валам,
Без отдыха ают на его заводах
Тяжелым орудий стволам.

Так вот почему я склонюсь к работе,
Забыв о твоих волосах...
Земля обращается в двадцать четыре
Очень коротких часа!

Молодой проф. Вальтер, работающий по разложению атомного ядра в Украинском Физико-техническом институте (УФТИ) и импульсного генератора мощностью в 14 миллионов ватт.

В. Е. Ливов

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

ФИЗИКА АТОМНОГО ЯДРА

1

В моей первой статье¹ я проследил подробно основные события, происшедшие в атомной физике вплоть до конца 1932 г.

Истории год с историей доказал, что физика разгадала только самую малую часть загадок, скрывающихся в глубинах недр атома. Припопад только краешек завесы. Мир ядра — подлинно иной материи — не замедлял продолжения исследований науки, исследуя новые вещи, о существовании которых не подозревал никто.

Уже давно, в самые первые дни работ над атомом, было замечено, что атомные заряды явственно разбрасываются по все стороны, кроме альфа-частиц (об этом смонти в первой статье), также потоки других мелких тел, потоки так называемых «бета-частиц», которые после ближайшего рассмотрения оказались не чем иным, как старыми знакомыми — электронами.

На первый взгляд — ничем не замечательное явление. Ведь каждый атом, как сказано, во внешней своей оболочке содержит определенное количество электронов, и, может быть, электроны, входящие в состав бета-лучей, — это как раз и эти внешние атомные электроны, которых вакажи-индува «встрели» «сдуло» со своего места в оболочке атома.

Нет, это не так! Прежде всего, прямое наблюдение над крутинками радия, калия и других, испускающих бета-лучи веществ показало, что при испускании бета-электронов оболочка атома остается нетронутой. Ни один вылетевший нуклон оттуда не девается. А, во-вторых, скорость выходящих в бета-потоки электронов настолько велика (она почти доходит до предельной, возможной в природе скорости — 300 000 километров в секунду), что их источником явно не может быть атомная оболочка. Ибо те разряды энергии, которые время от времени происходят здесь, самое большее могут бы вытолкнуть электроны со скоростью 10 000 километров в секунду. Физически же наблюдаемые бета-электроны мчатся в 10—20 раз быстрее! Сообщить электронам столь мощный толчок могут лишь разряды энергии, происходящие внутри ядра атома.

Значит, бета-электроны тоже идут изнутри ядра, а значит, их испускание тоже представляет ядерное явление? Но, перечисляя составные части атомного ядра, мы вносили в этот перечень протоны и нейтроны и ровным образом не говорили об электронах. Никаких электронов в действительности нет

и не может быть внутри ядер и прежде всего потому, что присутствие хотя бы одного лишнего (сверх комплекта нейтронов и протонов) электрона изменило бы на целую единицу общий заряд ядра против наблюдаемого фактически.

Электронами, повторно, нет места внутри ядра. Но и те же вопросы или в ряде случаев истинно выходят оттуда!

Это был туман! Это была загадка, в поисках разрешения которой и начинала разламываться цепь логических открытий.

2

Первый шаг в разгадке бета-лучей был сделан в 1930 г. одним из самых замечательных физиков, живущих в современную эпоху. Это был 30-летний англичанин (наполювину француз по происхождению) Поль-Адриен-Морис Дирак, испитанный друг Советского союза.

Исходя из математической системы уравнения движения электронов в пространстве, Дирак вытолкнул на светлую, глубоко заинтересованное его объектом.

Все, что решал заданн с квадратными уравнениями, знают, что такие уравнения дают два решения с равными знаками: плюс, минус. Столь же хорошо известно, что во многих практических задачах на уравнениях решенн с знаками минус значения отбрасываются асторому как не имеющие практического смысла.

Электронное уравнение, которое решил Дирак, было как раз квадратного типа. И отрицательные решения этого уравнения всегда отбрасывались.

В самом деле, решив уравнения Дирака дают величины и в е р г и электрона. А какой смысл, спрашивается, имеет численно «отрицательная энергия» электрона? До сих пор физики привыкли думать, что энергия может выражаться только положительным числом и то немло говорить о куске вещества, движущимся с энергией, равной, скажем, минус 10 килограммометров.

Но эта уверенность основывалась на явном недоразумении! Еще великий основоположник материалистической диалектики (враждующий же не только в общественном, но и в физическом смысле) Энгельс, разбирая и «Диалектику природного-вопрос об отрицательных числах, ясно и прямо установил, что числа эти до своему реальному смыслу ипуть «не куски» числа положительного.

Отрицательные числа как и положительные отражают вполне реальные вещи. В частности числа эти несут в физике двойную нагрузку: они либо выражают отсутствие какой-либо величины в данном месте (убыток, расход) либо просто обознача-

чают величину, меньшую самой малой положительной величины.

Сказать, что электрон обладает «отрицательной энергией» с этой точки зрения, означает просто-напросто сказать, что электрон обладает очень малой энергией. Другое дело, что такие электроны вообще никогда не наблюдались в природе и что все электроны и любые вещи, с которыми до сих пор практически имелась дело физика, неизменно несли хотя малую, но все-таки положительную и только положительную энергию. Но из этого, повторно, не следовало и не следует, что вообще ни один электрон на свете не может «опуститься» до дна его энергии, станет уже не положительной, а отрицательной по знаку.

В этом именно пункте Дирак и сделал своей безгранично смелой, своей гениальной шаг вперед.

Он предположил, что помимо тех «активных» и «энергичных», быстро движущихся электронов, которые входят в состав атома и взаимодействуют непосредственным контактом физики и ее приборов, невидимо заполнено бесчисленным множеством электронов, находящихся в состояниях с отрицательной энергией.

Спрашивается, однако, почему электроны эти никак не действуют ни на какие приборы и почему они остаются вообще незамеченными при любых разваривающихся вокруг нас физических явлениях?

Дирак дал на это такой ответ. Он предположил и повелел эти электроны с отрицательной энергией, во-первых, потому, что энергии их отрицательная, т. е., попросту, очень мала; настолько мала эта энергия, что указанные электроны находятся как бы в дремлющем состоянии в своеобразном состоянии, т. е. их движения и изменения настолько слабы, что не могут быть уловлены самыми чувствительными приборами. Во-вторых же, и это самое главное, законн равновесной и повсюду обильно вступившей в полную силу пространств, электроны эти образуют собой монотонный «фон» мира, на котором можно различать движения быстрых (обладающих положительной энергией) электронов и состоящих из них тел, но сам фон остается при этом незаметным.

Но как убедиться и как доказать на опыте, что этот удивительный рой оцененных электронов, заподозженных рода «энергичной икры» все пространство вселенной, что он действительно существует, а не является остроумной фантазией теоретиков. Вот как это можно доказать.

Предположим, говорит Дирак, что в каком-либо месте мира происходит разряд энергии, достаточно великий для того, чтобы «отрывать» от внешнего пространства энергию, переводя их в состояние с положительной энергией. Подсчет показывает, что энергия, нужная для такой «встрелы», должна быть в несколько миллионов раз (около 300 миллионов вольт) больше, чем находится, во всяком случае, в пределах возможности атомных ядер. Спрашивается теперь, что произойдет в следующее же мгновение после того, как достаточно сильный разряд энергии «поднимет» какой-либо находящийся на отрицательном энергетическом уровне электрон в нормальное состояние с положительной энергией?

Произойдет сразу же две примечательные вещи: во-первых, «замороженный» электрон, возбужденный разрядом, сразу же «отрывается» от морозца, т. е. начав «энергично» перемещаться в пространстве, сразу войдет в поле зрения опята; во-вторых же, в том месте «энергичной» электронной икры, мы, выходя из точки зрения физики, должны будем обнаружить пробел или «дырку», которая тоже сразу окажется замеченной наблюдателем.

Так, скажем, если проделать круглое отверстие в черном экране, осветить этот экран дугой света, то сам экран может остаться незамеченным, но зато будет ясно видна дырка как самостоятельная белая кружок на черном фоне.

Точно так же всякая «дырка», т. е. незаполненный электрон пробел в невидимой электронной «икре», сразу же обнаружится в окружающем пространстве, воспринимая на опыте как самостоятельную маленькую частичку, размером с массой с электроном, но с прамно отрицательным (по сравнению с окружающей массой электронной икры) зарядом, т. е. не с отрицательным, а с положительным зарядом.

Далее, вышнбавший со своего места электрон быстро удаляется от дырки, но с таким же успехом может «вылететь» сама дырка, удаляясь от электрона (когда мы, наблюдая через перла во стекла, смотрим на ледоход в реке, нам кажется поперечному: то лед падает под мостом, то мост движется назад ледом).

И дырки, разобравшись, сам вышнбавший электрон быстро перемещается еще относительно соседних

аэтом и относительно физических приборов, то будет зависеть от эти приборы физики и результаты не электрон быстро движущихся в окружающем пространстве.

В основе этого необыкновенное предположение о существовании нейтральной «середины» между положительной и отрицательной энергией) электронов, может быть проверено следующими, решающими образом.

Каждый раз, когда газ-ионизирующее вещество испускает разряд энергии, следует ожидать внезапного появления «близнецов» в местах разряда сразу после быстрого движения тел: во-первых, электронов и, во-вторых, нейтральной и вместе никогда нейтральной частицы («дырки») равной по массе, но с противоположным электрическим зарядом.

12 августа 1933 года было историческим днем в жизни американской физики в результате работы, осуществленной одами на фотографии, светлых или в камере, наполненной водяным туманом (а «вазальновое» камере», см. о ней в первой статье), могу сообщить об открытии, давно с нетерпением ожидавшемся физиками всего мира.

На фотографии было сделано как раз тот момент, когда колоссально быстрая (вырывающаяся с энергией свыше миллиарда вольт) частица из потока так называемых космических (падающих на землю из мирового пространства) лучей, ударившись о тонкие, радиально расположенные внутри камеры, заостренные. Весь миллиард вольт энергии этой частицы мгновенно выделается наружу.

«Встряска» произошла! Фотографировать была не удалось вследствие действия электрических зарядов с одной точки. И среди кучи следов явственно проявились двойные пути частиц, из которых одна была электрон, а другая, никогда нейтральной объект: частица с массой, равной массе электрона, и с противоположным электрическим зарядом.

Эта частица названа «позитрон» (он же «положительный электрон»).

Было видно столько следов электронных, сколько «позитронов». На каждый электрон — один позитрон. Только парные следы, и ни одного одиозного. Это шла разгадка.

3

В первый раз в истории науки человек увидел след электронов, подлетивших к тому стержню, по которому, погруженному в «сливную» яму отрицательной энергии, который только тогда и может быть достигнут человеком телом. Вместе с этими электронами оказались также и «дырки» — позитроны, выделяющиеся сюда как настоящие частицы, в полном соответствии со всеми предсказаниями в теории.

Об этом событии один шаг до объяснения замечательного явления бета-лучей, с изложением которого была начата эта статья.

Неприятен и загадочен, говорим мы, тот факт, что вокруг многих (как называемых радиоактивных) атомных ядер замечаются потоки быстро движущихся и неизвестно откуда берущихся, но явно с атомным ядром связанных электронов. Где их источник? Загадка преследует бета-лучи после того, как мы узнаем, что все пространство, как вокруг, так и внутри атомных ядер, невидимо заполнено «зернистой ядрой» оценками дарающихся электронами. Мы уже видели, что происходит всякий раз, когда в атомном ядре «отрывается» эту «кучку» из атомного ядра. Тогда в пространстве вокруг последнего появляются пары электронов с позитронами.

Но что происходит, когда somehow-нибудь мощное излучение энергии совершается внутри ядра? Что это, такое внезапное разрады энергии действительно ядро во времени происходит в ядре и сопровождается выделением из них частиц ядерной структуры, а именно альфа-частиц — об этом подробно рассказывалось в первой статье.

Но эти же самые испускание ядерной энергии должны, очевидно, вылетать и достояние «слабого» строения ядерной «кучки» внутри ядра со всеми вытекающими отсюда последствиями. Должны появиться пары электронов и позитронов.

И вот те бета-лучи, которые наблюдаются ядрах радиоактивных веществ, и состоят именно из этих электронов, извергаемых из своего потока радиационных разрядов ядерной энергии и разлетающихся затем во все стороны от ядра.

Но тогда немалое возникает новый вопрос: почему же иногда не видно вокруг радиоактивных веществ потоков позитронов? Куда деваются «дырки», которые должны ведь обязательно образовываться в паре с электронами во время каждой «встряски»?

Глубокий ответ на этот вопрос дает в восторженном виде молодой американский физик, 28-летний профессор Д. Д. Иваненко.

Идет уже в мае, по словам Д. Д. Иваненко, в том, что такое «встряска» ядерной «кучки» находится теперь не в ядре, а внутри ядра. И очутившись вне-

запно во внутреннем пространстве, электрон (кавалерный) из резервуара отрицательной энергии) вместе с «дыркой» — позитроном — немедленно же подпадает под действие сил исходящих от «ядринки» ядерной структуры: от протонов и нейтронов. Протоны тянут к себе электроны (потому что разноименные заряды притягиваются), нейтроны же влещут к себе позитроны. (Под действием этих, собственно говоря, притягивающих положительно заряженных частиц — позитронов — притягиваются и не выходящему совсем никакого заряда телу, пока еще неясно, и исследование этого вопроса Д. Д. Иваненко ведется сейчас полным ходом. Но что это притяжение так для ядра, как и для позитрона, об этом свидетельствуют балки наклонные в ядре дейтерия, частиц, представляющих собой по положительному заряденного протона, тесно связанных с нейтроном).

Итак, образовываясь внутри ядра пара: электрон-позитрон — тотчас же подпадается ядерными нейтронами и протонами, и этой паре не так-то легко вырваться теперь из ядра.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что вырваться из ядра могут, во всяком случае, только электроны, что не касается до «дырок», то они наверняка будут застревать в ядре.

Под ядром, все существующее в природе атомное ядро (кроме самого атомного, выходящего из ядра), состоит из одного протона и кроме 9 ядер других, самых легких элементов, построенных по ядру из протонов и нейтронов) имеют в своем составе 6 о явля и нейтронов чем в протонах. Именно это относится к ядру гелия, в котором как раз и происходит сильное «радиоактивное» разрады энергии. Так, у радия ядро состоит из 88 протонов и 138 нейтронов. Даро туран имеет 90 протонов и 144 нейтрона. Даро уран — 92 и 146.

При таком нейтронном засилье ясно, что все образовавшиеся в момент «встряски» позитроны должны притянуться к внутренним нейтронам. Электронам же, у которых гораздо меньше шансов очутиться пол-обором у находящихся в меньшинстве протонов, ничто не мешает удалиться прочь от ядра.

Так и происходит на самом деле!

Вот сказано, радиоактивные ядра разбрасывают вокруг себя (помимо альфа-частиц) тонкие потоки чистых электронов. И никто до последних пор никогда не выдвигал, чтобы из ядер атомных ядер вылетали позитроны. Как это ни звучит при первых условиях.

Предположим, говорит Д. Д. Иваненко, что имеется атомное ядро, в котором позитрон уже образовался, но он не может вылететь, что происходит во время радиоактивного разрады энергии в таком ядре? Так как протонов теперь, повторяем, больше чем нейтронов, то «встряска» в момент разрады дарающихся электронов будут, повторяем, позитроны, не имея под боком достаточного количества нейтронов и не удерживаемые ними, разлетятся прочь из ядра.

В природе, правда, как это показывается списком элементов (таблица Менделеева), не существует ни одного такого атомного ядра, не существует ни одного химического элемента, у которого ядерный элементист искусственно, что изменяет вопреки природе, вопреки меандеевской таблице создать на лабораторном столе такие элементы и такие ядра! Этот гениальный план, наиболее точно сформулированный в известной физической теории, поддается сейчас международной физики. Работы ведутся важнейшими лабораториями сразу, в нескольких пунктах земного шара.

В Институте академика А. Ф. Иоффе в Ленинградском физики, старшей космополец И. В. Курчатова в течение долгого срока уже велел опыты искусственного приготовления не существующего в природе химического элемента, состоящего из одного протона и 1 нейтрона. Имеет столько же протонов, сколько их в ядре газа гелия (но зато на один нейтрон меньше), этот новый элемент должен быть химически неотличим от гелия, будучи лишь легче его (атомный вес его 4 как у гелия, а 3).

План приготовления «гелия 3» такой: надо попытаться сильным ударом пробить ядро гелия «4», состоящее из 3 протонов и 1 нейтрона, через один протон. Получаются так путем «кашля» 4 протонов и 3 нейтрона, как можно ожидать, распадется вслед за тем на три отдельных куска. Два куска — по 2 протона и 1 нейтрон в каждом (ио и будет ядро «гелия 3») и второе того же состава — один нейтрон.

Если «гелия 3» окажется радиоактивным, то он (как имеющий ядро с перевесом числа протонов над числом нейтронов) станет испускать позитроны.

1 Химически неотличимые элементы, равняющиеся, однако, числом нейтронов в ядре и, следовательно, атомным весом, называются изотопами.

Старший инженер УВТИ Латышев — руководитель группы, разработавшей впервые в СССР атомный ядро.

Эта работа не закончена еще и ведется сейчас усиленно теми же в Институте Иоффе. Но если несколько раньше наши товарищи в парижской лаборатории Фредери-Жюлио достигают практического успеха, представляющего собой общее внимание между физиками.

Жюлио берет металл бор и, обстреливая его альфа-частицами, заводит в его ядро (состоящее из 5 протонов и 5 нейтронов) два дополнительных протона и один нейтрон. Получается ион-так-таки никогда не существовавшее в природе ядро, состоящее из 7 протонов и 6 нейтронов. Возникает тем самым новый и вымышленный элемент, химически неотличимый, между прочим, от азота (изотоп азота), но более легкое чем последний.

Весь интерес «нового азота», полученного Жюлио, состоит в том, что в его атомных ядрах (так же как и в «гелии 3», сплавированном, но еще не полученном И. В. Курчатова) больше протонов чем нейтронов. Ядро эти, как и следовало ожидать, искусственная (иначе они казались бы в природе). Едва лишь сформированы, ядра «нового азота», сотрясаются внутренними разрадами энергии, начинают разваливаться одно за другим. «Новый азот» летит линией от ядра к ядру, и спустя полчаса не остается ничего из одного целого атома.

«Новый азот» (Жюлио назвал его «радиоазот») оказывается радиоактивным элементом. Какие же частицы он выбрасывает? Фотографические снимки, сделанные в вильсоновской камере Ф. Жолио, не оставляют сомнений. Позитроны! Радиоазот извергает потоки не электронов (ибо те застревают внутри «разваливающихся» ядра), а чистых позитронов.

Рано говорить еще о применении этих открытий в чисто практическом отношении. Но ясно, что можно уже сказать после январских опытов Жолио, — это то, что физика выходит в эти опыты неограниченную, сказочную власть над материей.

Штурм ядра вступает в свою высшую фазу. Советская физика идет в авангарде этого штурма.

Игорь Курчатов, старший космополец, бригадир бригады ленинградских физиков, командующий атомным ядром в Институте А. Ф. Иоффе.

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

РАССКАЗ

Недавний гость и участник I съезда советских писателей Теодор Пливье — немецкий пролетарский писатель, бывший матрос. Им написаны романы о германской революционной борьбе «Кули кайзера» и «Кайзер ушел, генералы остались».

ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

Мой отец родом из Амстердама. Вопреки традициям своей семьи (да и его, отец и все остальные родственники ходили в море) он обучился ремеслу. После страшной по Германии он приехал в Померанию, где работал насколадником и делался на дочери мастера. Потом он авеза в Берлине требованную мастерскую.

В наемки объявились невероятно большие тиски и набор странных молотов, которые валялись среди всякого барада и явас на чердаке, и вырезанная из дерева модель фрезерной машинки — изобретение, ради которого отец жертвовал всем своим временем и энергией, а полдюжину покрутовала и самой мастерской. Но это было до меня. Я знал уже человека, который с расцветом уюда на работу и вознаграждала почасом с вставкой кофеином полднем, — это был отец. Он не оживлял больше ничего для себя и не хотел ничего знать обо всем остальном мире. Пролетарий, чуждый социальным устремлениям своего класса, чуждый товарищеской по работе, замкнутой и мучительной дома, он по вечерам сидел у окна, читал газету, изредка делал глоток из бутылки с водкой и почти не вмешивался в споры, которые не могли не возникнуть в семье из восьми человек, жившей в тесной квартире. Я помню, как в воскресенье, утром, во входном ижалею на без конца ходил из угла в угол по кухне. А из песен, которые он иногда напевал при этом, в моей памяти остался один:

«Ах, канитан мой дорогой,
Зачем увез меня с собой?
Мой путь на Амстердам лежит,
А я в Берлине попал».

Я родился в Берлине в 1892 г.

С двенадцати лет я начал работать, сначала днем, после школы, в подвале рынка в Велдинге, а потом — мальчиком на побегушках. В последние

погода перед окончанием школы и помогал отцу, который сина гардероб в фирме Буша, после того как не смог больше работать по своей профессии. Когда прадед призывала отца к постели, а замещал его и приносила ночью домой две — три марки дохода. После окончания школы я хотел ехать с одним укротителем зверей; все было уже решено, но попросилась мать. Потом я хотел стать извозником — мать снова высказалась против. «Все оно голодаешь», — заявила она. Наконец, я начал обучаться на канитяна. Это продолжалось три года. В шестнадцать лет я уезжал из дому.

До этого я прочел много книгеш об индеецях, прочел Карла Майя, Максима Горького, морские приключения и несколько томов всемирной истории. Когда я обещал на дому, я как раз оставался на книге Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». Я свая на чердачных лестницах и везд, где полагал. Днем я сидел в читальне королевской библиотеки в Берлине, помоцала всевозможные книги и пытался писать драму о христе. К счастью, это продолжалось недолго. Нелазя все время жить бухами из чужих сумок!

Правда, которые мнею захватить своей, не следет принимать в полдарок, — прочел я у Ницше. И вот однажды ночью и пошла по направлению и Потсдаму. В руке у меня был камень, которым я хотел кого-нибудь убить, чтобы потом отбратить. Я встретил нескольких; у первого как будто бы не было денег, второй был не по моим силам. Встретив, под деревьями, никого не было, а на шоссе меня пугал свет автомобильных фар. Я дошел до Потсдама и просила остаток ночи под железоло-

Т в Германии жилая часто на ночь вышвытуют у двери сумки, а которые утром блуждают каадем свежих бухам.

рошным местом. На следующий день незалего от Бердера я вышел работу по сбору угля. Четырнадцать дней днем и вечером и получая горючую пищу. Потом я побрел дальше. Через Лейпциг и Мюлен я добрался до Вены.

Затем я попал в Будапешт. С женщинами до сна под и почти не имел никаких дела. Я содеялся с женщиной первый раз тринадцатилетним мальчишкой и подала улыбка в Велдинге. В Будапеште я опять встретился с женщиной. Она была из Фирма, жила на улице Карла, в «шпелле» в Вене. В то время как она болела по уходу в поисках мужчине, я сидел в ее комнате за неоплаченной в Берлине драмой о христе... Завислая просьба между учением христе и нашим «христианским» обществом производила на меня громадное и возбуждающее впечатление.

Дальше из Будапешта я был немучен: для сутенера я был самым злод, а издать говора за мой сончинею они тоже не могли — мы всецелась без труда. Это просто и бесшумно провела поощря.

Четырнадцать недель я сидел в тюрьме. В камере находился сорок человек; здесь были арестованы все Балканы. Мы дрались из-за супа, который давали нам через каждые двадцать четыре часа, а ночью — из-за одеда. Я извивал желание видеть германского консула. Моя молодость пронизала несколько административных консулов, а также на пару, совершавшую свадебное путешествие и случайно находившуюся в ее комнате. Какозалось, все шло хорошо, и консула был готов ходатайствовать за меня, но все вдруг оборвалось. Пошли в тюрьму. Вместе со мной в камере сидел человек, арестованный за вскрытие денежного сейфа. По уходе нас везли в одном автомобиле. Очевидно, он был фальшивым свержальностью. Но время проходило и гордо оступала несправедливость всего мира и особенно несправедливость директора тюрьмы.

«Я потребова, чтобы меня доставили к нему», — рассказывал он. — Я сказал ему свое имя, но он повернул сторону, а не мне. Тогда я схватил чернильницу, стоявшую на столе, и стукнул его по голове, прямо по голове! И вот за это меня везут на допрос!»

Когда машина останавливалась, он попросил у консула на улице немного табаку. Кто-то из него протронул к решетке окна пиварюю, а когда заключенный почти дошел до нее, отдал обратно. Я никогда не слышал, чтобы человек мог издать такой гольд. Он забавлялся и выиграл на решетку с такой силой, что машина выкатилась на ресорал. Когда мы поехали дальше, у него на губах стояла пеня. Немного спустя он спросил:

— Куда тебя везут?

— К консулу.

— К консулу? Слушай, там на лестнице или в приемной, наверное, является какой-нибудь охранник! Посмотри как следует! Проклятый! Мне остается еще четыре года, и я уже так давно ничего не курю!

И тут ледал окурки, в пепельнице, между мной и консулом. Почти целый пиварюю, но уже потушила, кем-то оставленная. Одно мгновение я сомневался, но потом делаю. Консула взглянул на меня, господина и дама тоже посмотрел на меня. Никто ничего не сказал: все они только смотрели на меня. Я чувствовал, что краснею, и был рад, когда консул повернулся и содеялся пошел к себе поиднейших, чтобы меня унести. После этого консула не стал ходатайствовать за меня. Это окурки стола мне несколько недель тюрьмы и вымыслил к вечерней прищине. Но, когда я выслушал, меня слушания, есть на его лице и ту шерсть, с которой он обещал мне содержание семьи, который он вломает в бундуем, я думаю, что не так уж дорого заплатил за это окурки.

В 1922 г., организуя собрания и распространяя листовки, я собрал значительную сумму для голодающих в России.

На венгерской пограничной станции погоняла отпустила меня. Я сгинул на Богемии и Пфальцу. Один шкипер вака меня с собой взял по Рейну, до самого Роттердама. Проехать зайцем в угольном трюме английского парохода мне не удалось. На Гуада меня доставили обратно и перебрали голландской погоняла, от которой, однако, я смог удрать. Как и раньше я ходил в порт и подбирая на кораблях. Вскоре я поучил на русском пароходе работу матроса и тем самым приобрел профессию, которая мне подошла.

Я ходил в море на кораблях разных наций и чаще всего на парусных. Иногда и оставался на суше. Так я провёл несколько лет в Южной Америке. У берегов Тихого океана я на своей собственной лодке занимался рыбной ловлей. Работал толчком, светопогонщиком и рукопопом. Занимался контрабандой, мнил золото у мыса Маёв, зарабатывал деньги в медных рудниках пустыни Атакама и снова спускал их в экипиджии, которая забрасывала меня куда-либо к истокам Амазонки.

В мои скитаниях я попала в местности, лежащие в стороне от цивилизации. Как например остров Питкерн, в Тихом океане. На корабле, который с трудом добрался через льды, я попал в Северный ледовитый океан.

Войну я провёл в германском флоте. Между прочим, был на вспомогательном крейсере «Волк», который достиг рекордного числа потопленных кораблей, авиалавальных миин у Капштадта, Коломбо, Бомбея, Сингапура и Австралии, а кроме того проделал самый длительный безостановочный путь, когда-либо пройденный кораблем, — путь в 444 дня.

В ноябре 1912 г. я был редактором газеты матросского совета в Вильгельмсгафене, затем оратором, публицистом, заместителем секретаря международных организаций. В 1922 г. организовал собрания и распространял листовки, я собрал значительную сумму для голодающих в России.

Коротко говоря: я кое-где побывал.

Иногда при этом было голодно, иногда ночью чертотина снижалась, но это неважно. Если бы я был честолюбив и мне хотелось бы стать приключенческим писателем, мне мало было бы только сесть и начать вымалывать, но это не то: отелх Кинг в Жюбене, где за пять центов можно получить роман; равные боюшки при плавании коудт миса Гари; очерсы безработных в Берлине — во всем этом нет ничего романтичного. Я уз-

В руках у меня был камень.

нал, какой огонь горит в железах, когда нечего жрать, и я знаю, как можно промерзнуть до самых костей. Я знаю это и еще кое-что. И если я сейчас сяду, для того чтобы писать, и буду описывать какой-нибудь выход из 1910 или 1920 г., то в туру этот я вложу мои знания от 1934 г. Это значит, что здесь важны не указания мною раньше даты и внешне события, а присутствующая влесалям внутренняя логика. Быть голодным и несчастным,

не зная, где ты проведешь ночь, — это само по себе еще не заслуга: дело в духе и энергии, которые противопоставляются голоду и несправедливости капиталистического строя. Пробовать эту энергию — задача революционной литературы, точно так же как задача революционной политики — организовать эту энергию на борьбу.

Перевод Я. Герасимовой

ДМ. НЕДРИН

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

«Спи, мальчишка,—не ревей!»
Б. Коринков

У меня сынов в кроватке
Задриает кверху пятки,
Я бездельнику пою:
Баю-баюшки-баю!
Гребья ветра чешет люто,
Словно бороду у Шмыда,
Овды спать каваут ягит,
Люди спят и птички спят.

Спи и ты, плохой мальчишка,
Ты еще пригоувишка,
Перебавьши в первый ямесс, —
Аюнда чужий! Это раз,
Месяц желтым стратостаном
Ходит в облаке хвостатом,
В книжке вымучишь слова, —
Сказку купишь! Это два,
В туслке свернулся на ночь
Древнейший Карл Ивануш,
Он не плачет, — посмотри,
Будь послушным! Это три.

Спят девочки, спят мальчишки,
Спят грачные детинки.

На груди скрестил лаук
Десять ног и десять рук.
На его мохлатой колке
Крест, на савстику вожожий,
Ты не бойся паука,
Паука-крестовника!

Щелкает тетерева на дубе,
Выйдет солнце в красной шубе,
Я кулаю тебе — не плачь! —
У числяндия пугач,
Я к нему добуу пробюи,
Две корюбки, три корюбки,
Если вымучишь урок, —
Раз-два-три! нажми курок!

В тир ступай на Малой Бронной,
Там живет паук карточный,
У него на брюхе крест,
Он сидит и муку ест,
Не моргай, прищелкае метко,
Нажмий плавней гашетку,
Выверь мушку! Будь, сынок,
Ворошиловский стрелок!

Я вду нветущим салом,
Ты свой обруч гоуишь рюдом,
А на нас глядит в очни
Из дупла крестовника,
Паука сердито смюргят,
Заползает сырыя на три,
Отбурать зюгит назад,
Этот обруч, этот сад.

Нам стрелят учиться надо,
Чтобы пугай встретьти гада,
Если валдувать олята
Он хоть мячик тыть отнять,
В день, когда мохлатой тучей
Наведет поход плавней,
Брось иржуиный мирок!
Раз-два-три! нажми курок!

А покуда — спи, мальчишка!
Ты еще пригоувишка,
Над тобою я пою:
Баю-баюшки-баю!

ЗА РАВНОПРАВИЕ В МЕЛОЧАХ БЫТА

В № 16 «Смены» было напечатано письмо Евстигнея Охмурия под заголовком «Срывать деньги, в залучку». Письмо это, посвященное на первый взгляд почти исключительно бытовому вопросу, вышло изоживенных откликов читателей Евстигней Охмурия очень сомневался; стоит ли писать письмо о том, должен ли парень покупать девушка билеты в кино, писать то же, когда империализм к войне готовится, а в холмах тихой силой работает классовой враг? Но он все-таки письмо написал — и правильно сделал. Вопрос, который при поверхностном взгляде кажется ничтожным, является, по существу, частью большой проблемы отношений между парнем и девушкой.

Многие товарищи из наших корреспондентов откликнулись на письмо Охмурия, печатаясь нами сегодня, много правильных мыслей, отвечающих на недоуменное письмо Охмурия, столь похожие на юмористические споры. Так, совершенно верно мысль тов. Кузнецова, что нельзя поощрять в девушках индивидуалистических настроений; но весьма спорно в его индивидуалистическом является замечание, что если женщине дать ваймы, поминной деньги, как вайды. Если это утверждение является и нею в результате собственной практики, значит это просто «не пошло». Но обществу так еще нельзя.

Зоя И. справедливо возмущается тем, что на эпоху, когда мужчины и женщины в СССР равноправны, мужчины все еще платят за женщину, но никогда наоборот, а женщина принимает это как должное.

Но Зоя слишком уязвима, заявила, что дорогие девушки конфетками являются отрывкой старого быта. Ведь иногда это прощание может быть просто-напросто приемом товарищеских отношений или желанием доставить приятное любимой. Ведь девушка точно так же может устроить своею приятеля, не правда ли?

Вот Анатолий Шулте сообщает нам, что девчата-техники приносили «шамовку» ребятам, которые получили небольшую стипендию. Многие товарищи, что поощряют индивидуалистические настроения нельзя, — верные мысли, но нельзя доводить их до абсурда, никто не осуждал девушек, которые пришли в гости к своим товарищам-студентам и принесли им несколько вкусных бутербродов.

Анатолий Шулте высказывает, бесспорно, верную мысль, утверждая, что надо быть самостоятельным в оплате своих мелких расходов, но что обоюдная помощь парня и девушки «вне зависимости от равенства полов» — дело хорошее, в особенности, когда у одного из них нет денег.

Нима Куз так же совершенно правильно расширяет этот вопрос. Мне осуждают девушки-лаборантки, разрешившую за себя платить студенту, у которого на другой день может не хватить на обед; эта девушка ее стыдливость так же как и непомнящая настоящих Охмурия, желавшего во что бы то ни стало купить ей билет, показывая, что между ними нет простых и хороших отношений; иначе все бы эти перемены исчезли.

Очень путевой отклик присладал тов. Илларионов. Все его читая и слыша не высказывающегося имени не могут скрыть нежность его мысли и предобрение к повседневному вопросу молодящегося быта. Он декламирует: «В дни, когда перед классом встает во весь рост проблема».

К сведению тов. Илларионов сообщаем, что одновременно со строительством прекрасных дворцов мы чистим и приходим в порядок деревянные домики. За мелочами надо иметь видку крупное, ибо на мелочей может быть самыми крупными достижениями, а на предобрение и в мелочах могут получиться большие sprawy.

Ни для кого не является секретом, что в наших отношениях многое еще осталось от старого быта. Новые, социалистические черты ведут борьбу с остатками капитализма в сознании людей. Особенно безобразными на этих остатках являются подлые отношения к женщине людей, считающих себя особями более высокой, «лучшей» породы. Еще более печальным является равнодушие женщины к такому отношению мужчин.

Несомненно, что мелочное письмо Охмурия является мстителью этого большого вопроса и утверждение тов. Илларионова, что «Охмурия тихой силой отлекает молодцы от труда», ни на чем не основано, ибо правильная организация повседневного быта и досуга только помогает творческому труду.

В покупке конфет нет новой культуры!

Меня часто занимал вопрос, который был затронут Охмурием; и всегда возмущало, что мужчина все же платит за женщину, но никогда не бывает наоборот.

И особенно возмущительно, что она принимает это в большинстве случаев как должное, как будто он обязан платить за нее. Почему это? Откуда такие обязанности?

Ведь женщина и мужчина в СССР находятся в равном материальном и политическом положении.

Почему Охмурия обидится, если его «дорогой химик-лаборант» заплатит за себя, а этот «дорогой химик-лаборант» не обидится, если за него заплатит?

Я считаю замкнутыми поступки Катя З., которая устанавливает парней платит за себя.

В покупке женщины конфет нет новой культуры, а есть только поддержка старого привычек, товарищеских о старом взгляде на женщину.

Зоя И.

Сегодня — я, завтра — ты

Я прочел в журнале «Смена» письмо в редакцию под заголовком «Срывать деньги, в залучку».

По вопросу, который задает в письме, и статья с тем товарищем, который говорит: «У кого есть деньги, тот заплатит». Правильно! Какая разница, кто платит, парень или девушка. Сегодня я плачу за билет в кино, завтра у тебя будут деньги, ты заплатишь за билет в театр.

Мне кажется, что со стороны девушки, зарабатывающей 300 руб. в месяц, разрешать товарищу-студенту, стипендия которого гораздо меньше, систематически платить за билеты, а она, что завтра у него, может, не будет на обед, это не по-товарищески.

А парень, поступающий так, как поступил Евстигней Охмурия с девушкой-лаборанткой, не чувствуя в ней товарища, а отношения к ней как к «барышне», иначе он не постыдился бы сказать, что у него нет денег.

Если парень не видит во мне товарища, которому он может просто и открыто сказать обо всем, то меня обижает.

Комсомолец МИНА КАЦ.

Одесса.

Не развивать индивидуалистических настроений

Мы живем в стране, в которой наслаждается и оживляется новая, социалистическая культура. Я думаю, что отношение молодого мужчины к девушке должно быть в вопросе денег таково, чтобы не развивать у нее индивидуалистических настроений. За билет должен обязательно платить каждый из себя. Мне пришлось как-то платить за знакомую, и вот все время она на меня смотрела как-то нездорово, так, как-будто я хотел подкупить ее.

Граждане нашей страны зарабатывают деньги честным трудом, а должны рационально использовать свой заработок. Если девушка попросит ваймы на билет, — это другое дело, но я считаю, что если женщине дать ваймы, — значит это поминной деньги, как вайды, потому что мы сами поощряем индивидуалистические настроения.

Рис. МЕШЛА

Товарищеские ли отношения между ними?

Бывают случаи, когда за девушку приходится платить явную цену, что у нее нет денег на билеты и подарки. Но вообще лучше бороться с этими проблемами, выравнивая отношения между парнями и девушками.

Понятно, что и девушкам не должно платить за парней.

АЛЕКСЕЙ КУЗЬМИН

Плотник, ударник жилищностроительного треста, площадь Могилострой.

В дни, когда перед классом...

Уважаемый Охмурьев!

Как же повзрослеть человеку, заступающему в летний бытового бедняка и по-настоящему, острожно вращающегося в мелочи еще не осознанных для него бытовых курьезов.

В дни, когда перед классом встают во весь рост проблемы, на разрешение которых вступают не только шарлово население, но даже дети, Охмурьев являюсь узнать вопрос, кто должен покупать билеты в кино девушкам, выходящим из классовых рядов? Или же, наоборот, мальчишкам, одолевшим вступая на женские, со временем, когда в аулах умел как-то прилично поцеловать «святую» ручку женщины. В наши дни студент-комсомолец знает других — изучением довольно трудных, давних ивизов формул в свете диалектического миропознания, подчиняя все, что в руках науки, человеку.

Конечно, в наши дни еще не исключена возможность наду с людьми, перерабатывающих труд из зазорного бремесни, каким он считался раньше, в дело чести, доблести и героизма? (Сталин), по отношению к традиции, как паровозу, который не может остановиться, когда паровозная проблема — «станка вода». А в этих парнишеских проблемках говорят: «Биологически и материально мужчина на данном этапе крепче женщины, а потому должен платить за девушку». Это справедливо? Или быльмак — это империалистический путаница? Девушка, называемая Охмурьевым ударницей (хотя на видно, что она ударница), получает в три раза больше и адрут... материально мужчина крепче женщины.

Евстихий Охмурьев сочинил из бытовой цинизма универсальное изобретение с эвристикой прилагая по буржуазному наследию и тиркой сапой отстоять внимание трудолюбивой молодежи от труда.

Евстихий! Скажи, как ты умился, как выношала свой учебный план; и посланным рассказки, как гуляешь, как проводишь свой отпуск. Это только это надо право комсомольцу-узовцу ставить вопрос: «Кто он?» При данной постановке вопроса вы — отрешка полковник подполковник буржуазной эпохи с ее пылкой идеологией, завладела не с культурой эпохи, а с культурой человека, с целью эксплуатация.

Надо полагать, что найдя среди сторонников Охмурьева, которые от бедняка пытаются развить бедняку, что бедняк должен платить. Это только это надо право комсомольцу-узовцу ставить вопрос: «Кто он?» При данной постановке вопроса вы — отрешка полковник подполковник буржуазной эпохи с ее пылкой идеологией, завладела не с культурой эпохи, а с культурой человека, с целью эксплуатация.

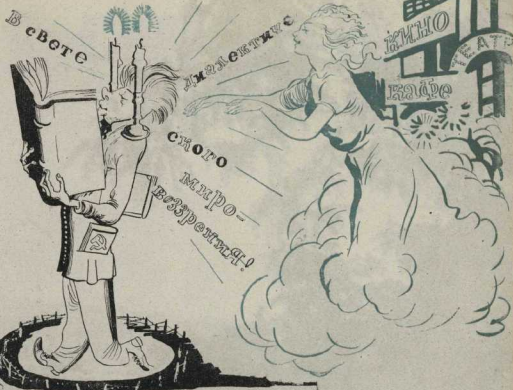
Надо полагать, что найдя среди сторонников Охмурьева, которые от бедняка пытаются развить бедняку, что бедняк должен платить. Это только это надо право комсомольцу-узовцу ставить вопрос: «Кто он?» При данной постановке вопроса вы — отрешка полковник подполковник буржуазной эпохи с ее пылкой идеологией, завладела не с культурой эпохи, а с культурой человека, с целью эксплуатация.

Класс, родовый, своим лучшим сыном, выходящим сотнями тысяч, миллионами людей, ставящих вопрос не с точки зрения отношения к женщине, кто он есть, а с точки зрения труда. Всякая экономическая зависимость пола обусловлена не системой отношений, а системой отношений, система, что вопрос, затронутый Охмурьевым, разрешается довольно просто. Надо читать произведения Гадкова, Ведемского, Горького, Шолохова и ряда других великих писателей, а самое главное — надо изучать взгляды Ленина, читать труды Энгельса, Маркса, Ленина и Сталина.

Г. ИЛАРИОНОВ

(Ленинград, 5-й институт инженеров-механиков союздальсилы).

Рис. КЕШЛА

«В наши дни комсомолец занят изучением других довольно трудных формул».

За взаимную помощь — без различия полов! ДРОГОЙ ТОВ ОХМУРЬЕВ!

И я только прочел твоё письмо в «Смене», и я вогворяла на эту тему с ребятами. Один из моих товарищей рассказывал мне, что один раз он бросил гулять с девушкой именно из-за денежных споров, а во втором случае он вышел из дома, что вместо театра и кино стал посещать с нею парк, где билеты дешевле, и платил за них не имеет значения. Другой из моих товарищей рассказывал, что ребята еще учились в техникуме, а девушка была уже техническими редакторами, естественно, что студентка не позволяла ребятам ходить в театр так часто, как бы они этого ни желали, и вот девушка не только ходила в театр, но и приносила им «шампуку». Вот где были действительная товарищеская помощь и сознательный подход!

Мы не стали говорить о товарищеской помощи, отстоять путника, а вогворили о театре. Безусловно, я была та девушка, которая говорит: вы должны платить за себя при условии, если на это хватает денег у одного и у другого. Но почему я не могу заплатить за девушку, если я получаю больше чем она? Точно так же может быть и наоборот.

Нам давно пора отменить старую традицию, что обязательно платить должен парень. Парень, тов. Охмурьев, ты девушка, которая предлагаешь тебе все время платить за нас, как бы она стала поступать в комсомол, где надо платить членские взносы. Неужели ты должна платить за нас и там? Я надеюсь, что это этого тебе не скажут.

По-моему между нами должны быть крепкая дружба и взаимная помощь без различия полов, только это может вести нас к коммунистическим отношениям.

С комсомольским приветом
АНАТОЛИЙ ШУБЛЕ.
Москва, Центральный телефонный узел.

Неверный поступок

Должен ли парень оплачивать расходам девушки? И да и нет, в зависимости от взаимоотношений и материального положения товарищей.

В случае, описанном вами, поступок парня и считаю неверным, так как взаимоотношения между студентом и лабораторной помощницей чисто товарищеский характер, и расходам любому каждому должны оплачивать самостоятельно.

Разберем другой случай: если взаимоотношения между девушкой и парнем очень близки. В этом случае расход может принять на себя как девушка, так и парень, в зависимости от материальных условий, в которых находится каждый из них.

Г. Бак.

Спасар РЕНЕТР. К.
Завод «Ванский рабочий».

ПАРЕНЬ ИМЕЕТ ПРАВО...

Я считаю, что парень имеет право заплатить за девушку в трамвае, кино и т. п. Правда, завест, в наших отношениях между собой. Конечно товарищи никогда между собой не считаются.

В отношениях к девушкам, кроме товарищеских чувств, проявляются и другие, когда хочется сделать приятное, проявить свое внимание. Возможно заплатить за билет девушке — одна из форм выражения отношений к девушке, которую хочется что-нибудь подарить. Именно то, что это не имеет характера «официально по долгу», а является лишь показателем внимания, опыта за билет может иметь место в нашем быту. Мы не должны придавать никакого значения словам «арт-бюджет», что этим неурядице равноправие женщины в нашей стране.

Москва, С. ГЛАЗЕР.

ГРУБАТ НЕУВЕРЕННЫЕ В СВОИХ СИЛАХ

Безусловно особого недоверия поведению нашей молодежи создавать не следует, но надо отметить пролетарской морали и этики не только нужно, а прямо-таки необходимо. Нельзя не до сих пор терпеть нарочито грубые отношения к нашим девушкам, под соусом товарищеской близости.

Наши девушки уравнены в политических и экономических правах с мужчинами, и тем досаднее наблюдать отрывки барски-хамского и пренебрежительного отношения к девушкам и женщинам вообще.

Давайте считать доказанным, что грубость и неуважительность по отношению к девушкам есть отрывки старого быта, характерные черты из прошлого, а товарищеские отношения к девушкам и женщинам вообще. Грубыми нам быть не к лицу, или грубить только неуверенные в своих силах. Нам надо научить понимать своеобразную прелесть возможного и бережливого отношения к женщине и девушке. Но мы должны весьма критически подходить к освоению буржуазного наследия в отношении культуры и этики. Не утонченная вежливость, а товарищеское отношение и уважение к девушкам во всех проявлениях и формах — вот что должно быть положено в основу новых отношений. Этим должна заняться комсомольская печать, она на это мастер.

С. ЮСОВЕ.
Ст. Графская, Уманского округа.

Цена 50 коп

Весна Грузии

Черноморское побережье

фото-этиюд И. ШАГИНА